

СИБИРИАДА

ГЕННАДИЙ
ТУРМОВ

Проклятое
золото Колымы

Сибириада

Геннадий Турмов

Прóклятое золото Колымы

«ВЕЧЕ»

2020

Турмов Г. П.

Проклятое золото Колымы / Г. П. Турмов — «ВЕЧЕ»,
2020 — (Сибириада)

ISBN 978-5-4484-8225-0

Роман «Проклятое золото Колымы» рассказывает о судьбе талантливого русского инженера и учёного Евгения Ивановича Богданова. Студентом пятого курса Ленинградского политехнического института он был арестован по доносу близкого друга и после недолгого разбирательства осуждён на пять лет лагерей. Герой нашёл в себе силы не только выжить в чудовищных условиях Колымы, но и окончить институт, защитить кандидатскую и докторскую диссертации, стать профессором и членом-корреспондентом АН СССР. Роман основан на реальных событиях, фамилии и имена некоторых героев изменены. Во второй части книги приведены истории поисков и находок малоизвестных материалов периода Русско-японской войны 1904–1905 гг.

ISBN 978-5-4484-8225-0

© Турмов Г. П., 2020

© ВЕЧЕ, 2020

Содержание

Проклятое золото Колымы	6
Пролог	6
Семья	12
Приговор	29
БАМЛАГ и пересылка	35
Колыма	39
Высшее образование	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Геннадий Петрович Турмов

Прóклятое золото Колымы

© Турмов Г.П., 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Проклятое золото Колымы

Пролог

Дайте человеку цель, ради которой стоит жить, и он сможет выжить в любой ситуации.

Иоганн В. Гете

Написав роман¹, я отослал его внуку одного из главных героев, с которым переписывался во время работы над книгой, и через некоторое время получил от него следующее письмо:

«Уважаемый Геннадий Петрович!

Благодарю Вас за присланную Вами книгу. По-моему, получился новый жанр: сочетание художественного повествования с исторической публицистикой... Мы с женой перечитали Вашу книгу дважды... Отдаём должное Вашей огромной работе в архивах по сбору материала о составе Сибирской флотилии к началу Русско-японской войны. Особый интерес вызывают сведения о зарождении и становлении нашего подводного флота... Среди героев Вашего повествования – Валерия Александровна (Лера), сестра Дмитрия Александровича. Она моя крёстная. Может быть, для Вас будет интересна судьба её семьи. По-своему она трагична. В 1934 году по доносу близкого друга был арестован в Ленинграде её сын Женя, студент Политехнического института. В течение ряда лет Жора Кульпин собирал компромат на своего товарища, соперника в учёбе. Постоянно бывал в этой тепло относившейся к нему компании. В частности, когда группа студентов нечаянно уронила бюст Сталина, он приписал это намеренному действию Жени. Приговор был пять лет лагерей на Колыме. Понятно горе Валерии Александровны и стремление брата помочь любимой сестре. Вы написали в своей книге о риске такой помощи для собственной судьбы Дмитрия Александровича. Евгений Иванович Богданов (Женя) оказался в страшных условиях лагеря на золотых приисках. От непосильного труда и физического истощения он был близок к смерти. Спас случай. В лагере был объявлен конкурс на разработку установки для разогрева грунта (вечной мерзлоты). Это был единственный шанс выжить.

Под конвоем Женю привели в контору прииска, дали бумагу и карандаш. На всё дали 3 часа. Идея была стоящая, но не хватало знаний и практического опыта. На его счастье, вольнонаёмный инженер, оценивающий работу, оказался хорошим человеком. Он видел недостатки разработки, но оценил идею, да и просто хотел помочь способному молодому человеку-«доходяге». Так его перевели из забоя в бараки, где работали заключённые инженеры. С этого времени начался его «роман» с техникой по добыче золота на Колыме. «Зэк» смог защитить диплом горного инженера, две диссертации (кандидатскую и докторскую), стать членом-корреспондентом АН СССР. Там же, в Магадане, он встретил свою жену. На Колыме родились сыновья. И во всех этих посланных судьбой испытаниях опорой и поддержкой была горячо любимая им мама – Валерия Александровна Богданова (в девичестве Мацкевич)...

Ваш Мацкевич».

Впоследствии он писал:

¹ Турмов Г.П. На Сибирской флотилии. М.: Вече, 2013.

«Здравствуйте, Геннадий Петрович! Получил Ваше письмо. Пытался отправить письмо с приложением: фото команды «Громобоя» в Алжире. Отправил, но получил ответ, что оно не доставлено. Я набирал электронный адрес, может быть, ошибочно? По поводу материалов о Евгении Ивановиче Богданове. К сожалению, его невестка на лето уехала в деревню и вернётся в конце лета. Я знаю, что у неё такие материалы есть. По её возвращении с ней встречу. Ко мне приезжала дочь Юлия, она живёт и работает в Лондоне. Ведёт в университете Брунеля Департамент международных связей через Еврокомиссию. Она заинтересована в контактах с Дальневосточным федеральным университетом. Правда, сейчас осложнилась обстановка, поэтому на Ваше усмотрение, может, этот контакт и нежелателен. Я работаю в Военно-космической академии им. А.Ф. Можайского. После достаточно длительного перерыва у нас вновь большой набор, в том числе девушек (в будущем программисток). Поэтому осенью на меня придётся большая нагрузка. Весь год пришлось создавать известные Вам УМК, а поскольку гражданский персонал очень малочисленен, то электронный набор этих материалов со множеством формул и рисунков пришлось взять на себя. Пока нахожусь в форме – буду работать, да и коллегам нужно помочь в непростой ситуации.

Жму вам руку, с уважением ваш Мацкевич».

Встретились мы с Юлей Мацкевич летом прошлого года. Передо мной предстала цветущая женщина с чертами лица, весьма схожими с обликом её двоюродной бабушки.

Мы выпили по чашке кофе с конфетами «Птичье молоко», изобретёнными во Владивостоке. Юлия призналась, что очень любит эти конфеты. В заключение беседы она передала мне записку своего деда, с которым я в своё время вёл переписку.

Меня заинтересовала та часть записок, где он описывает свой арест и содержание в тюрьме на Шпалерной с 1 октября по 31 декабря 1937 года:

«Меня брали ночью на Мойке, 16. Звонок в 2 часа ночи. Пришли двое: один в штатском, а второй майор в лётной форме (голубые петлицы). Произвели обыск: забрали чертежи и часть бумаг. Позже, при освобождении, просили зайти и вернули все чертежи, синьки сварных катеров и барж Дальзавода. Поля и Лилечка плакали, Поля вытряхнула свои вещи из корзинки и дала её мне вместо чемодана (потом я с корзинкой вернулся). Андрюша спал, а я непрерывно просился в туалет от волнения. Был убеждён, что это недоразумение, завтра вернусь. Хамства и грубостей при аресте – никаких. Даже при прощании нас с Лилечкой оставили на несколько минут одних. Лётчик сказал своему спутнику:

– Выйдем на минутку, дадим им проститься!

Внизу на ул. Желябова стояла черная эмка. Машина новая, я заинтересовался её видом и устройством. Видимо, происшедшее не так уж взволновало меня. Привезли на Шпалерную. Сделана опись вещей и изъятие ремня и шнурков. Временно поместили меня в маленькую комнату-ожидалку. Постоянные просьбы в туалет (от волнения). Днём, наконец, перевели в общую камеру. Когда я шёл по коридору, из соседней камеры кто-то громко сказал:

– Смотрите, и Шостаковича забрали!

Это обо мне, т. к. я был сильно похож на композитора. Общая камера – помещение около 30 кв. м, в ней приблизительно 100 чел. Сидеть могли не все, многие стояли, т. к. на сдвинутых на день щитах мест не хватало. Лежать днём запрещалось. Днём выдали обед, но первое время есть абсолютно не хотелось. Мою пайку хлеба с удовольствием брали соседи. В дальнейшем я сам с радостью пользовался пайкой вновь прибывших, не евших от переживаний первые двое-трое суток. На ночь раскладывались щиты. На них ложились «долгожители» камеры. Впервые, это был староста камеры. У нас им был Алексей Денисович Дикий – народный артист СССР. Прибывшие позднее ложились под нарами на полу. Наконец, несчастные «новички» просто сидели скорчившись, т. к. места лежать им не было. За время моего пребывания в

камере до конца декабря я уже успел заслужить лежачее место под нарами внизу. Публика в камере была самая разнообразная, но много и интеллигентных людей. Вот некоторые из тех, кого я вспоминаю:

Константин Дмитриевич Миртов – вся наша последующая дружба в течение более 50 лет была определена «общей бедой 37-го». Вечная ему память! Василий Яковлев Рыбин – старый партиец, интеллигент. Убеждённый стойкий коммунист. Позже его выпустили, и я заходил к нему в лабораторию на улице Ракова (теперь Итальянская). Он был нашим с Костей наставником, предупреждая:

– Как, ребята, ни будут мордовать, ничего не подписывайте!

Я не подписал.

Михаил Петрович Бронштейн – щедушный молодой человек, высокообразованный и талантливый физик. Оказывается, он был мужем Лидии Корнеевны Чуковской, писательницы, дочери Корнея Ивановича. Он читал нам лекции о строении вещества. Две его книги, 1935 и 1980 годов издания, с его биографией, есть у меня в библиотеке. Был он пессимистом. Считал, что дело сидящих – пропащее. Потом, спустя десятилетия, всё прояснится, люди ужаснутся, но этих сидящих уже не будет. Как прав он оказался! Тяжёлое прозрение наступило через 35–40 лет!

Беляков – бывший царский матрос, старый партиец, начальник Главморпрома. С интеллигенцией он в камере не общался, только с такими же партийцами.

Яхонтов, инженер, – чистенький, аккуратный, мудрый, с большим житейским опытом. Много знал и советовал по личной гигиене. Настроение у него всегда было хорошее, ровное.

Женя Шениовский – поляк, немного старше меня, оптимист. Придумал стишки:

– Мы попали в ДПЗ, ах, здрасте! Нанимайте ЧКЗ, нанимайте ЧКЗ, ах, здрасте!

Острил, балагурил.

Костя Миртов потом утверждал, что его расстреляли. Сам Костя быстро подписал абсурдное обвинение во вредительстве при проектировании самолётов. Сидел, ждал суда. Позже рассказывал, что состоялась Военная коллегия, на которой все обвиняемые единодушно отказались от навязанных им обвинений. В итоге к 1939 году их выпустили. Костя, став полковником, благополучно профессорствовал сначала в Москве, в Академии Жуковского, а потом до конца дней в Риге.

Бове – старик-интеллигент, глубоко больной. Вероятно, он скоро умер. Панцошник – инженер, еврей, арестованный в ту же ночь, что и я. Поэтому мы сблизились как товарищи по несчастью. Дикий Алексей Денисович, народный артист, староста камеры, как долго сидевший. Он задавался, с простыми не общался. Малосимпатичная личность. На меня он стал обращать внимание, когда начало выясняться, что меня, возможно, выпустят. Просил позвонить кому-то. Утверждал, что его посадили по доносу народного артиста Бабочкина. Страшно клял его. Но позже, к счастью, Дикий вышел и сыграл ещё много славных ролей, в том числе Кутузова.

Самарский (или Самаринский) – тенор, немолодой. Сидел много в разных тюрьмах. Много рассказывал, в частности, о том, что уголовники хорошо к ним относятся и щадят людей творческих профессий: певцов, рассказчиков, музыкантов и др. Нам он много пел арий из опер. Восхитительно. Его концерт всегда был праздником.

Павловский Роман Степанович. При мне он «стоял на конвейере». Утром его полуживого после очередного допроса втягивали в камеру и укладывали спать, спрятав за спинами. Через полчаса новый дежурный, не зная ничего, вызывал:

– Павловский!

Кто-то должен был рапортовать:

– Роман Степанович.

Дежурный провозглашал:

– На допрос!

Имитировалась возня с одеванием, а Павловский пока спал. Потеряв терпение, дежурный требовал снова. Наконец Павловский встал и плёлся из камеры. При мне так продолжалось 20 дней без перерыва! Вряд ли Павловский остался в живых. В камере, кроме бесконечных разговоров, были ещё многочисленные развлечения: концерты, которые давал Самарский, лекции, вернее научные семинары, шахматные турниры. Шахматные фигуры изготовлялись из хлебного мякиша. Было и различное рукоделие. В частности, я смастерил из картона и склеил шёлком футляр для своих очков. Шёлк был вырезан из подкладки – наколенников для моих брюк. Футляр этот сейчас хранится у меня на память. Много суеты, хлопот и ругани вызывало мытьё пола. Руководили этим умельцы, которые перегоняли всех со стороны на сторону, и швабрами, и тряпками растирали пол. Развлечением была также раздача заказов-покупок (в основном булки и муки). Их могли делать арестанты, имевшие денежный счёт. У меня такой счёт был, и в Новый год мы с Костей и Рыбиным пили чай с булкой, густо посыпанной репчатым луком. До сих пор помню прелесть этого угощения.

А позже, той же ночью, меня вызвали с вещами и отпустили домой (вероятно, одного на 10 000 человек!). В 1995 году, взяв в библиотеке журнал «Нева» (№ 6-95), я случайно нашёл статью некоего Марка Ботвинника «Пятьдесят лет спустя». Оказывается, он сидел там же, в КПЗ на Шпалерной, в январе 1938 года, т. е. на один месяц позже меня. Он – в камере № 25 (на 100 человек), а я в № 27. Его описание быта камеры совпадает с тем, что было со мной.

Теперь о допросах. Многих в камере вообще не вызывали. У меня их было 5 или 6. Через 3 дня после ареста первое знакомство, очень беглое. Канва примерно такая:

– Вы сомневаетесь, что вас справедливо арестовали. Органы не ошибаются!

Сразу тупое, примитивное обвинение в шпионаже:

– Подписывайтесь, что были шпионом! Каким – не важно, японским, немецким, английским, хоть каким.

Поражался наплевательству следователей к содержательной части допроса. Вопросов, подробностей – никаких. Просто выбивается подпись. Несколько ударов по лицу. Скучно... Стоянка у стены в кабинете по 5–6 часов. А потом в камеру. Однажды было предпринято искушение едой. Вызванная буфетчица принесла чай, бутерброды, булочки.

– Ешьте, успокойтесь и подписывайте. Зачем мучиться?

Я валял дурака, не понимая, чего от меня хотят. И тут появилось упоминание о моей «вредительской» деятельности на заводе по внедрению сварки. По-видимому, это был донос Н.К. Нисневича, работавшего со мной на Петрозаводе. Тут уж я попал на свой конёк! Взял бумагу и давай чертить и объяснять следователю преимущества сварных соединений перед клёпаными. Он скучал, требовал назвать членов группы. Потом ему всё надоело, и он прекратил этот цирк. На допросе фигурировала характеристика на меня, полученная от завода. Следователь сказал, что она «убийственная», но мне её не показал. Много лет спустя я узнал, что в то страшное время главный инженер завода Я.В. Вердников не побоялся остаться справедливым человеком. Характеристику на меня он направил самую положительную. Вечная ему память и благодарность!

В день первых в стране выборов (вероятно, в середине декабря 1937 года), утром я стоял снова на допросе. Настроение у следователей приподнятое: всенародный праздник! В комнате появился их начальник – какой-то маленький еврей в форме со шпалой на петлицах. Он звонит при мне утром домой, поздравляет жену с праздником, говорит, что скоро освободится и придёт голосовать. Тут неожиданно встал вопрос и обо мне. Вероятно, он и придумал:

– Отпустите вы его к чёрту! – Посмотрел что-то в бумагах, что-то сказал следователям, и те переменились. Настаивать на шпионаже перестали. Перемену я сразу почувствовал. Следователь мирно пообещал мне поторопиться с оформлением, чтобы успеть к Новому году. Обещание выполнил.

В камере мне стали давать поручения. Даже староста Дикий попросил позвонить кому-то. С Костей Миртовым и В.Я. Рыбкиным мы часов в 7 встретили Новый год, поев с чаем булку с маслом, полученные из магазина.

Потом меня вызвали с вещами и с проволочкой выпустили часов в 11 ночи. Я пустился бегом по Шпалерной к своим на Мойку. Поля ошибочно послала меня на канал Грибоедова, и лишь оттуда я отправился на Зверинскую, где все наши и были. Я ввалился после 12 ночи. Вероятно, это был один случай из сотни тысяч! Дома я долго был «чокнутым»: всё боялся, что за мной следят, меня подслушивают. А что пережила Лилечка за время моего сидения! Во-первых, она сначала спала не раздеваясь, считая, что и за ней придут. Кроме того, хождение по тюрьмам в поисках меня. Наконец, стояние в огромных очередях на Шпалерной, чтобы сделать передачу. В этом ей частично помогал и папа, находившийся тогда в Ленинграде.

После выхода из тюрьмы я явился на завод. Был направлен в местную командировку в группу Г.М. Вераксо на разработку проекта разделения корпуса проекта 53 (дизельного тральщика) на секции с целью их отправки на Дальний Восток. Группа работала в здании ЦКБ на Суворовском проспекте, напротив гарнизонного военного госпиталя. Там я однажды встретил своего следователя, но мы друг другу не признались.

В войну в здании ЦКБ размещался госпиталь. Во время одного из налётов он загорелся. Я в это время проходил на завод и видел этот страшный пожар, продолжавшийся несколько часов. Сколько раненых там погибло! После войны в этом месте располагались ЦНИИ-45 и отделение НТО судостроения.

После одного из заседаний я предложил академику Ю.А. Шиманскому подвезти его на Петроградскую. Выходим, он спрашивает:

– А где ваша машина? О ужас, украли!

Правда, через два дня наш порядочно «раздетый» «москвич» нашла милиция, которая в этом и поучаствовала. В январе у меня состоялась подробная большая беседа с папой о моём пребывании в тюрьме. Думал ли я тогда, что как будто бы ввожу его в курс тех роковых будущих событий. Разговор проходил на стрелке Васильевского острова. Это была наша почти последняя встреча, ведь жить папе оставалось лишь полгода. Так я её навсегда и запомнил!»

Тюрьма на Шпалерной, 25, – первая в России специальная следственная тюрьма, которую в разных кругах поселения называли по-разному: Дом предварительного заключения, ДПЗ, Шпалерная тюрьма, «Шпалерка». Она была открыта в августе 1875 года.

До революции в тюрьме на Шпалерной содержались известные революционеры: В.И. Ленин, Ю.О. Мартов, Б.В. Савинков, Н.И. Кибальчич, Софья Перовская и др.

В советское время к ним добавились: Ольга Берггольц, Н.С. Гумилёв, Г.С. Жжёнов, Д.С. Лихачёв, маршал К.К. Рокоссовский и множество других известных личностей, попавших под неумолимый пресс репрессий.

В 1944 году пленный финский лётчик Лаури Пекури так упомянул в своих воспоминаниях тюрьму на Шпалерной:

«Все тюрьмы совершенно тихие. Даже в коридорах нет ни звука. Во время переходов строго запрещается говорить. Похоже, люди ходят в коридоре в чулках».

В мрачном периоде советской истории аббревиатура ДПЗ расшифровывалась «Домой Пойти Забудь».

Тюрьма была известна также «Шпалерными тройками» – внесудебными органами из трёх человек, через которые прошли десятки тысяч репрессированных. Тюремный фольклор донёс до наших дней и стихи:

Шпалерка, Шпалерка,
Железная дверка.

И песни:

На улице Шпалерной
Стоит высокий дом,
Войдёшь туда ребёнком,
А выйдешь стариком.

Тюрьма на Шпалерной была для членов семьи Мацкевич своего рода голгофой. В 1934 году, в ноябре, был арестован и помещён в «Шпалерку» студент Евгений Богданов, в 1937 году в эту же тюрьму был помещён его двоюродный брат Вадим Мацкевич, по счастливой случайности отпущенный на свободу по неизвестной причине. И в этом же году был арестован и расстрелян отец Вадима и дядя Евгения – профессор Дмитрий Александрович Мацкевич, участник Русско-японской войны 1904–1905 годов.

Семья

*Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая
семья несчастлива по-своему.*

Лев Толстой

В конце XIX века семья Мацкевич в Феодосии жила небогато, можно даже сказать, крайне бедно. Шестерых детей трудно было прокормить, одеть и обуть на небольшое денежное содержание пехотного штабс-капитана, к тому же ещё и пьющего. Главным кормильцем семьи была мама, энергичная Юлия Васильевна.

Энергию матери из всей семьи унаследовали только Митя и Лера (Валерия). Они были очень похожие внешне, да и дружили, как это часто бывает у детей-погодков, делились друг с другом счастливыми и горестными событиями в детской и взрослой жизни, вплоть до трагических событий 1937 года.

Валерия училась в Феодосийской гимназии, участвовала в любительских спектаклях. Окончив гимназию, она неожиданно получила наследство от своего крёстного отца – брата бабушки. Посоветовавшись с Дмитрием, она уехала в Женеву, где поступила в консерваторию, изучала театральное искусство и совершенствовалась в изучении французского языка. Время пролетело незаметно, и через год Валерия вернулась в Санкт-Петербург и была принята на театральные курсы Академического театра. Ей прочили большое будущее и находили внешнее сходство с русской актрисой Верой Фёдоровной Комиссаржевской, с которой она познакомилась в театре, и та ей покровительствовала и благоволила.

Валерия соперничала Комиссаржевской, узнав о её трагедии. Ходили разные слухи и сплетни. В литературе встречались намёки на личную драму Веры Фёдоровны.

Измена мужа, художника графа Муравьёва, с её родной сестрой так подействовала на тонкую психику Веры Фёдоровны, что она не смогла оправиться от нервного шока в течение всей своей короткой жизни и периодически проходила лечение в психиатрических клиниках.

Правда, и у её сестры брак вскоре распался, вероятно, из-за непостоянства графа Муравьёва.

Всю жизнь В.Ф. Комиссаржевскую преследовали отголоски неудачного замужества и растоптанной любви.

Не раз присутствовавший на спектаклях В.Ф. Комиссаржевской будущий «красный» нарком А.В. Луначарский вспоминал, что хотя порой он забывался и радостно смеялся, «... всё-таки таланту Комиссаржевской была присуща неизменная нота философского пессимизма. Никогда не могла она с крыльев своего таланта стереть какой-то траурный пепел...»

На гастролях в Америке в 1908 году одна из газет иронически писала: «Что это за графиня, которая ходит в простых платьях, не надевает на себя бриллиантов и играет в простой обстановке?!» В Америке, по рассказам её брата, В.Ф. Комиссаржевскую называли по фамилии бывшего мужа – графиней Муравьёвой.

Американцы, склонные к аналогиям, сравнивали игру В.Ф. Комиссаржевской с игрой известной в то время итальянской актрисы Элеоноры Дузе, выступавшей с огромным успехом во многих странах, в том числе и в России.

Валерия была уверена, что В.Ф. Комиссаржевская имела своё собственное лицо, свой собственный талант великой драматической актрисы, способной не только великолепно играть на сцене, но и создать свой театр в Санкт-Петербурге. Театр Комиссаржевской вошёл в список ста великих театров мира. Эстафету подхватил её брат Фёдор, открыв в 1914 году в Москве Театр имени В.Ф. Комиссаржевской, который к 1916 году заслужил репутацию «одного из самых значительных театров в Москве».

Однажды Валерия услышала, как Комиссаржевская сказала:

– Стихи Пушкина нельзя читать вслух. Их можно читать только про себя. Нет такого голоса, который бы мог чтением вслух не нарушить их нежности и не вспугнуть прелести.

В другой раз она заявила:

– Слова не имеют значения для пафоса актера. Вся тайна в силе души и в чарах голоса. Хотите, я уйду в соседнюю комнату и с «душой» прочитаю вам таблицу умножения? Не слыша слов, вы разделите моё волнение. Но это будет только таблица умножения.

У неё были странные настроения, и однажды она сказала про одного знакомого:

– Этот человек голубой и воскресенье, а этот – четверг и оранжевый. Он – чётный, а ты – нечётный.

Ну как тут не вспомнить «Войну и мир» Льва Толстого, когда Наташа Ростова описывает своей матери Пьера Безухова:

– Он синий, тёмно-синий с красным... Он славный...

Валерии и в самом кошмарном сне не могло присниться, что она повторит семейную драму Комиссаржевской, правда, не такую трагическую. Сказался твёрдый характер Валерии.

Валерии не довелось стать актрисой. С началом Русско-японской войны в 1904 году она бросает театр, поступает на курсы сестёр милосердия, заканчивает их и уезжает во Владивосток, где на крейсере «Громобой» служил её любимый брат Дмитрий².

Прослужив всю Русско-японскую войну в морском госпитале во Владивостоке, Валерия сразу же после убийства крейсеров «Россия» и «Громобой» на родину выехала в Петербург на поезде. Во Владивостоке её уже ничего не держало.

Покидая Владивосток, Валерия не предполагала, что в 1909 году Комиссаржевская совершит «сибирские гастроли», которые проходили в городах, расположенных на линии Транссибирской магистрали и КВЖД – Иркутске, Омске, Челябинске, Владивостоке и даже Харбине. Даст она спектакли и в городе Уссурийске, драматический театр которого в наше время носит имя великой актрисы Веры Комиссаржевской. Вера Фёдоровна ушла из жизни через год после «сибирских гастролей», в 1910 году, заразившись в Ташкенте чёрной оспой. Валерия была потрясена настолько, что даже слегла на целую неделю. Но это будет уже в Петербурге.

Тем не менее за время Русско-японской войны Валерия не ожесточилась. Ежедневно сталкиваясь с болью, стонами, кровоточащими ранами, а частенько и со смертью, она научилась ценить жизнь. Единственной отдушиной этого времени были встречи с братом Дмитрием, когда «Громобой» заходил во Владивосток.

Конечно, приятно было, когда внимание ей оказывали сослуживцы брата, молодые, симпатичные военно-морские офицеры. Иногда возникало некоторое подобие флирта с кем-нибудь из них, однако сердце её принадлежало студенту горного института из Петербурга Ивану Богданову, с которым она познакомилась перед самым отъездом во Владивосток.

Она часто вспоминала их встречи, слова Ивана перед расставанием о том, что как-то всё получилось шиворот-навыворот – она уезжает на фронт, а он остаётся здесь, в тылу.

Валерия и Иван познакомились на каком-то благотворительном вечере. Иван вызвался её провожать. Он проводил её до самой двери. Неуклюже полуобняв, хотел её поцеловать, но получил увесистую пощёчину и такой же толчок, скатился по ступенькам крыльца, едва удержавшись на ногах.

– Ты чего, а? – возопил кавалер.

– А ты чего, а? – передразнила его девушка. Они весело рассмеялись.

Потом были удивительные и нежные белые ночи, когда вечером казалось, что уже наступило утро, а утром – вечерние сумерки.

² Турмов Г.П. На Сибирской флотилии. М.: Вече, 2013.

Получив первый отпор, Иван уже не пытался лезть к Валерии с поцелуями, хотя нередко они бродили по улицам города крепко взявшись за руки.

И только на перроне вокзала, когда поезд отправлялся в Москву и далее в незнакомый и загадочный Владивосток, Иван приник к мягким губам Валерии.

– Береги себя, – прошептал он...

Надолго запомнила Валерия этот поцелуй.

В госпитале Валерии приходилось выполнять множество обязанностей. Особенно трудно пришлось, когда во Владивосток вернулись после битвы с эскадрой Камимуры крейсера «России» и «Громобой». На обоих крейсерах раненых было почти 350 человек. Госпитали были забиты, как говорится, под завязку.

Крейсер «Рюрик» остался на дне морском. Команда крейсера предпочла затопить корабль, но не сдать его врагу.

Привычные хлопоты медсестры, уход за ранеными не оставляли ни одной свободной минуты, и всё-таки она ухитрялась найти время, чтобы посидеть с ранеными матросами, а кому-то помогала и письмо написать.

Она не раз и в мыслях, и в молитвах благодарила Бога за то, что не дал брату погибнуть в сражениях, и Дмитрий возвращался из боя живым и невредимым...

Однажды в госпитале приключилась какая-то непонятная суета, все куда-то спешили, перебегая из корпуса в корпус, бегали не только сёстры милосердия, но и степенные доктора.

В перевязочную, где Валерия меняла бинты пострадавшему от взрыва на подводной лодке матросу Сюткину, забежала старшая медсестра и, подняв палец кверху, воскликнула:

– Инспекция!

И добавила:

– Из Петербурга. Везде ходят.

Валерия продолжала перевязку. Через некоторое время в перевязочную зашла большая группа врачей. Возглавлял её пожилой человек в круглых очках с седыми клочковатыми усами и бородкой клинышком. Белый халат скрывал его мундир, но то, с какой почтительностью обращались к нему окружающие, говорило о его высоком положении.

Лейб-хирурга Евгения Васильевича Павлова (а это был он) командировали по Высочайшему повелению на театр военных действий Русско-японской войны. Его инспекционная поездка длилась четыре месяца. За это время он побывал в медицинских учреждениях Иркутска, Хабаровска, Харбина, Владивостока, Никольска-Уссурийского и других городов и станций Транссиба и КВЖД.

Войдя в перевязочную, Павлов направился к Валерии, понаблюдал, как она ловко управляет с процедурой, одобрительно хмыкнул и спросил:

– Вы откуда, сестричка, где учились? – И, услышав ответ, повторил несколько раз: – Похвально, похвально...

Начальник госпиталя поспешил доложить:

– К брату приехала из Петербурга. Он здесь на крейсерах служит.

– О-о-о, – удивился тайный советник (*этот титул был присвоен Павлову в 1901 г.*).

– Ожоги? – продолжал беседу с сестрой милосердия Павлов.

– Да, – подтвердила Валерия. – Подводная лодка с каким-то рыбьим названием взорвалась у причала³.

– Ну, продолжайте, продолжайте, – напутствовал Павлов и пошёл дальше, свита поспешила за ним.

По результатам своей поездки Евгений Васильевич Павлов издал в 1907 году книгу «На Дальнем Востоке в 1905 году: из наблюдений во время войны с Японией».

³ Турмов Г.П. Пробное погружение. М.: Вече, 2017.

О своих впечатлениях после знакомства с Владивостоком он писал:

«...Со станции Кетрицево мы отправились далее – во Владивосток, отстоящий от неё на 102 версты. Последние 42 версты железнодорожного пути после станции Надеждинская проходят совсем по краю морского залива, над которым носится масса водяных птиц. Вдали по направлению к Владивостоку виднелись горы, казавшиеся особенно красивыми от яркого освещения их вершушек солнечными лучами, проходившими между разбившимися тучами небосклона.

Вблизи Владивостока из вагона видны и каменные копи, поставляющие топливо в Приморскую область. Начиная с последней станции перед Владивостоком, опять встретились проволочные заграждения, устроенные недалеко от пороховых погребов и хранилищ снарядов.

Во Владивосток наш поезд пришёл к 7 часам вечера. Помимо того, что день уже склонялся к вечеру, темнота увеличилась ещё больше вследствие дурной погоды и моросившего дождя.

Поезд подходит к вокзалу, расположенному почти в центре города, и потому было удобно остаться жить в вагоне, не перебираясь в гостиницу. После остановки поезда, не теряя времени, я отправился к коменданту крепости генералу Казбеку, живущему вместе с сыном в казённом здании очень близко от вокзала. Генерал, очень бодрый на вид, был назначен на эту должность лишь около месяца перед тем.

На его долю пришлось спешно укреплять город, оставшийся до того времени слабо защищённым местом. Все ждали, что японцы отрежут крепость. То же самое я слышал и при отъезде во Владивосток из Харбина. Уверенности в прочном нашем положении и здесь не было. Условившись с прибывшим к нему также недавно во Владивосток генералом Езерским, занимавшим должность инспектора госпиталей, уже знакомым по Харбину, относительно совместного осмотра лечебных учреждений, оставалось только распрощаться с ним до завтрашнего дня.

Хотя погода на другой день продолжала быть серой с выпадавшим по временам дождём, город казался всё-таки очень красивым. Он расположен по склону горы, примыкающей к северному берегу Владивостокской бухты. В городе можно видеть очень большое число прекрасных, даже высоких, каменных построек, но улицы очень неудобны вследствие плохих мостовых. Город по преимуществу торговый. Главная торговля находится в руках иностранцев, преимущественно у фирмы «Кунст и Альберс».

Ещё недалеко то время, говорят старожилы, когда Владивосток со всех сторон был окружён лесом, покрывавшим все прилегающие горы. В лесах водились даже тигры. Теперь же устройством крепости леса повырубили. Остался собственно кустарник и весьма небольшое число крупных деревьев. Дальше, к северу от Владивостока, леса сохранились в довольно больших размерах.

Вода бухты, красивого морского синего цвета, кишит рыбой, креветками, которые особенно крупны, и крабами, составляющими лакомое блюдо местных жителей. В ней же водятся в обилии и камбала, достигающая больших размеров...

Очень хорош во Владивостоке и морской госпиталь, помещающийся в собственных каменных зданиях, устроенных на 250 мест. При нужде в этом госпитале можно было поместить и более 400 человек. Он размещён в нескольких каменных зданиях и двух деревянных, 3 мая в нём находился 241 больной. Самое помещение и обстановка очень чисты. Кровати выкрашены белой масляной краской и с сетками...

Особенно хорошим по своему устройству в этом лазарете было помещение для перевязок. Благодаря большому числу окон, расположенных в полукруглой стене, перевязочная комната очень светла...»

Далее Е.В. Павлов писал⁴:

⁴ Через 100 лет эту книгу во Владивостоке переиздал глава компании «Корпус» Б.И. Левашко, в своё время курсант

«Во время поездки в 1-й крепостной госпиталь мне пришлось увидеть во Владивостокской бухте две подводные лодки, возвращавшиеся во Владивосток из экскурсии. Вечером того же дня, во время доклада командира подводной флотилии коменданту крепости о результатах последнего плавания, я узнал, что в экскурсии были три подводные лодки для наблюдения за японскими судами, крейсировавшими вблизи Владивостока. Лодки уходили в море без сопровождения матки за 300 миль и отсутствовали в течение 6 дней. Им приходилось опускаться на несколько часов в воду в виду плававших японских миноносцев.

Жизнь во Владивостоке, несмотря на ожидавшееся обложение города неприятелем, шла обычным порядком. В местном театре давались ежедневно спектакли; другие увеселения шли своим чередом. Частных жителей в городе осталось очень мало, многие дома пустовали и даже были заколочены...»

...В октябре 1905 года крейсера «Россия» и «Громобой», на котором служил брат Валерии Дмитрий, были направлены на Сахалин, в порт Александровский. Необходимо было доставить солдат и офицеров (около 1000 человек), а также несколько сот жителей на северную часть острова, остающуюся по условиям заключённого в Портсмуте мирного договора за Россией. Командование постаралось отправить на Сахалин самые неблагонадёжные войска. После прибытия в пункт назначения, разгрузки и пополнения запасов, корабли укрылись в Татарском проливе, спасаясь от 10-балльного шторма. Контр-адмирал Иессен получил циркуляр от командира Владивостокского порта: «Во Владивосток заходить нельзя – крупные беспорядки...»

Крейсера взяли курс на Европу...

Командование флотом даже не предоставило возможности их экипажам попрощаться с родными и близкими, с городом, который они защищали.

Брат и сестра Мацкевич встретились только в Петербурге уже после войны.

Узнав по беспроволочному телеграфу о том, что «Громобой» во Владивосток заходить не будет, Валерия начала хлопотать об увольнении и отъезде в Петербург.

Несмотря на окончание войны, обстановка во Владивостоке оставалась сложной. Дошедшие до Владивостока сообщения о Кровавом воскресенье, о восстании на Черноморском флоте, о крейсере «Очаков» и лейтенанте Шмидте оказали огромное влияние на настроение солдат и матросов. Во Владивостоке было много (около 60 тысяч) солдат и матросов – участников Цусимского сражения, обороны Порт-Артура и боёв в Маньчжурии, которые считали, что их предали и царское правительство, и командиры.

После получения во Владивостоке царского Манифеста от 17 октября революционное движение начало охватывать более широкие массы. По всему городу стихийно возникали собрания и митинги, а 30 октября разразилось восстание.

В своих воспоминаниях очевидец этих событий адмирал Цывинский писал:

«Бунт во Владивостоке был грандиознее всех. Там бунтовали десятки тысяч команд (сухопутных и морских), возвращённых из японского плена. пылал весь город, громили все лавки, морское собрание, офицерские квартиры, дом командира порта и многие другие. Пострадали больше всего торговый дом «Кунст и Альберс», где были собраны большие запасы вина и прочего».

В самой круговерти этих событий оказалась и сестра милосердия Валерия Мацкевич.

По Владивостоку небезопасно было ходить не только по вечерам, но и даже днём: военно-морской госпиталь, в котором служила Валерия, располагался в то время в окраинной части города. Валерия припозднилась и возвращалась в госпиталь ближе к вечеру. Она заметила, что за ней увязалась тройка подвыпивших солдат. Валерия ускорила шаги, солдаты сделали

то же самое. Она почти побежала и услышала топот преследователей. Тогда она вытащила из сумочки подаренный братом револьвер «Велодог»⁵, остановилась и резко повернулась к солдатам, вытянув руку с пистолетом как для выстрела.

– Ну и шо ты сделаешь со своей пукалкой, – издевательски захохотал самый смелый из тройки.

Валерия, не вдаваясь в переговоры, выстрелила один раз, второй, третий раз. Самый смелый схватился за плечо и застонал. Троица остановилась.

– Ах ты, сучка! Ах ты, лахудра драная, – взревел раненый, – да мы тебя щас...

Но не успели. Из ворот госпиталя, услышав выстрел, выскочили солдаты караульной роты и защёлкали затворами. До ворот госпиталя осталось каких-то сто саженей. Тройка бандитов в солдатской форме поспешила ретироваться в ближайшей рощице.

– Ну шо? Спужалась, сестричка? – участливо спросил седоусый унтер, старший караула.

Валерия только махнула рукой. Она была в униформе сестры милосердия – белом передничке с большим красным крестом.

Как правило, солдаты, даже революционно настроенные, сестёр милосердия не трогали, но отморозки были во все времена. Такие вот и гнались за одинокой сестрой милосердия.

Несмотря на перенесённый стресс, Валерия не проронила ни слезинки. Она вообще никогда не плакала даже в детстве. Характер у неё был твёрдым, почти мужским. Да, наверное, и не каждый мужчина обладал такой твёрдостью характера.

Собрав необходимые документы, Валерия попрощалась с персоналом госпиталя. Близких подруг она не завела. Ухажёров отпугивала неприступностью.

С собой она увезла серебряную медаль Красного Креста для участников Русско-японской войны 1904–1905 годов на красной ленте ордена Св. Александра Невского. Эта медаль была учреждена Российским обществом Красного Креста. На лицевой стороне медали изображён эмалевый красный крест (это единственный случай использования эмали при изготовлении наградных медалей). Среди вещей Валерии, уместившихся в небольшой саквояж, был и револьвер «Велодог», выручивший её в тревожные времена и сыгравший впоследствии роковую роль при аресте её сына в 1934 году.

...Извозчик подвёз Валерию к вокзалу за полтора часа до посадки, но на перроне уже клубилась толпа желающих выехать из города, охваченного беспорядками. Поезд подали к перрону с большим опозданием, и ещё на ходу пассажиры бросились к вагонам. Валерии помогли взобраться в вагон второго класса какие-то люди в штатском, оказавшиеся после знакомства офицерами, возвращающимися из японского плена. После того как суматоха, вызванная посадкой, улеглась, поезд простоял ещё часа два, а потом раздался свист к отправлению и поезд наконец тронулся. Валерия больше часа простояла у окна вагона, прощаясь с Амурским заливом, берега которого тянулись почти до самого тоннеля за станцией Надежденская.

Соседями по купе оказалась семья средней руки чиновника, спешно покидавшая Владивосток из-за продолжающихся беспорядков. Как это часто бывает в поездах дальнего следования, попутчики быстро познакомились, обращались друг к другу по имени-отчеству, а после Никольска-Уссурийского коротали время в разговорах ни о чём, играли в карты в подкидного дурака, а то и просто молчали, разглядывая проплывающие мимо таёжные пейзажи.

В то время из Владивостока в Москву поезда ходили по Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД), регулярное движение на которой открылось в 1903 году. КВЖД проходила по территории Маньчжурии (Северо-Восточный Китай) и соединяла Владивосток с Читой. Транс-

⁵ Велодог – карманный револьвер, изобретённый во Франции XIX века. Использовался для защиты велосипедистов от уличных собак. Впоследствии стал применяться как оружие самообороны. Носили эти миниатюрные револьверы в специальных кобурах, напоминающих портмоне. Серьёзным оружием велодоги не являлись.

сибирская магистраль, или Великий Сибирский путь, пролегающий целиком по территории России, был полностью построен только в 1916 году.

Часа через три после Никольска-Уссурийского поезд пересёк российско-китайскую границу, станция называлась Пограничная. На другом конце КВЖД, перед Читой, станция тоже называлась Пограничная. Через три дня поезд прибыл в Харбин. Затем состав проскочил длинный тоннель Хинганского перевала и помчался по Маньчжурии.

Валерия стояла в коридоре напротив своего купе и смотрела на унылый пейзаж: сопки то приближались к железнодорожной насыпи, то отступали. Из соседнего купе, которое занимали вернувшиеся из японского плена офицеры, раздался мягкий баритон, который с грустью выводил:

Тихо вокруг,
Сопки покрыты мглой.
Вот из-за тучи блеснула луна,
Могила хранят покой...

Песню подхватил тенор, потом включились басы, и сложился превосходный четырёхголосый хор, который завершил песню словами:

Тихо вокруг,
Ветер туман унёс.
На сопках Маньчжурии воины спят
И русских не слышно слёз...

Слёзы были. Высыпавшие в коридор из своих купе пассажиры сквозь подступившие к глазам слёзы аплодировали исполнителям.

Позже Валерия узнала, что музыку этого вальса «На сопках Маньчжурии» написал капельмейстер И.А. Шатров, посвятив его памяти погибших соратников по оружию. Сразу же вальс стал чрезвычайно популярен. На музыку вальса были написаны многочисленные варианты слов...

Наконец поезд пересёк Маньчжурию и на пятые сутки после отъезда из Владивостока подъезжал к Чите.

Перед самой Читой поезд неожиданно остановился прямо посреди тайги. Насколько охватывал взгляд через окно вагона, к насыпи подступали высокие хвойные деревья.

В коридоре послышался топот сапог. Отборная матерщина, стук в двери соседних купе, женские взвизгивания. Валерия быстро защёлкнула двери купе, скомандовала всем членам семьи чиновника лечь на пол и приготовилась к обороне, достав из сумочки «Велодог».

В тот же миг в двери купе застучали, раздался крик:

– Открывай, буржуи, проверка идёт.

Валерия прижала палец к губам, давая знак попутчикам молчать.

– Не откроете – плохо будет, щас разнесём двери к такой-то матери, – продолжали буйнить за дверями.

Филёнка дверцы не выдержала, и в образовавшуюся дыру показалась чернобородая физиономия того самого раненого, который совсем недавно преследовал её во Владивостоке. Валерия не прицеливаясь выстрелила. Солдат взревел:

– Да что же это такое? – Он схватился за плечо, потом начал с яростью доламывать дверь.

Валерия приготовилась к отпору, но тут за окном вагона послышались воинские команды, выстрелы, и налётчикам пришлось срочно ретироваться.

Попутчики начали подниматься с пола купе, охая и причитая, сухо поблагодарив Валерию за спасение. Дверь кое-как заделали фанерным листом.

Валерии даже в кошмарном сне не могло присниться, что этот налётчик едва не погубит её сына, но уже через тридцать лет.

Дальнейший их путь до Москвы проходил без приключений. Особенно красивые места были в окрестностях Байкала.

Поезд змеей извивался, объезжая озеро Байкал. Дорога в этом месте так и называлась – Круго-Байкальская. Из окон вагона можно было видеть не только голову поезда, но и хвост.

Поезд мчался, не останавливаясь на малых разъездах и полустанках. Проехали Верхнеудинск (ныне – Улан-Удэ), проскочили Красноярск и Курган, перевалили Уральский хребет. Проплыли мимо окон Челябинск, Златоуст и Уфа. Через несколько дней состав стал подъезжать к Москве.

Москва встретила очередной поезд из далёкого Дальнего Востока довольно неприветливо. Под стать предзимней погоде, сумрачному небу, слякоти и сырости было и настроение приезжих.

Москва готовилась к Декабрьскому вооружённому восстанию. В неурочный час вдруг раздавались фабричные и заводские гудки, вспыхивали стихийные стачки и забастовки...

На улицах почти не было прохожих, быстрым шагом, почти бегом, направлялись куда-то воинские команды, вооружённые винтовками с примкнутыми штыками.

Валерия добралась до Николаевского вокзала, и удивительно быстро ей удалось приобрести билет. Уже сидя в купе отходившего поезда, она подумала:

«Кто не преодолевал Транссибирскую магистраль, для тех понятие громадности нашей страны так и останется во многом абстрактным и относительным».

К концу следующих суток поезд подошёл к Николаевскому вокзалу в Петербурге и Валерия наконец ступила на порог дома, в котором жила до отъезда на Дальний Восток.

Дом находился на Зверинской улице, недалеко от татарской слободы. С 1732 года эта улица называлась Большой Никольской. Название Зверинской улица получила в марте 1871 года по расположенному в её створе главному входу в Зоологический сад. Улица была застроена в основном доходными домами конца XIX – начала XX века⁶.

Дом 33, в котором снимала квартиру Валерия, в наши дни будет объявлен памятником архитектуры.

...Федька по кличке Стреляный, которую он получил после ранения из револьвера Валерии Мацкевич во Владивостоке и Чите, в 18-летнем возрасте был забрит в царскую армию в Сибирский полк, который формировался из сибирских рекрутов. В своём селе он слыл лодырем, был нечист на руку, за что его неоднократно били односельчане, которые с облегчением вздохнули, когда Федьку забрали в армию. Но и здесь Федька не утихомирился. Он попал во Владивосток в конце 1905 года, когда там произошли известные революционные события.

Федька сколотил банду из таких же, как он, отморозков. Первое время не сменял солдатское обмундирование, участвовал в митингах и событиях, а по ночам грабил и убивал горожан. Особенно он любил грабить безответных китайцев, живших на окраинах города. На Миллионку Федька даже заходить опасался⁷. Правда, один раз он с братвой всё же попытался зайти во дворы Миллионки и «прокачать права».

⁶ Доходный дом – многоэтажка, приносящая доход хозяину посредством сдачи квартир в аренду. Квартиры в доходном доме арендуют на длительные сроки, иногда десятилетия.

⁷ Миллионка – так назывался криминальный район Владивостока, расположенный практически в центре города, – собственный Чайна-таун, населённый не только китайцами, но и корейцами, и русскими, и японцами, и даже греками и грузинами. Игорные дома, дома терпимости – чего только не было в этом районе с подземными ходами и лесенками в «никуда». Ликвидировать Миллионку удалось только к концу 1936 года. На Миллионке можно было запросто нарваться на удар кинжала из-за угла, или быть удушенным специальным шнуром, накинутым сразу со спины, или оказаться вообще без головы.

Держа руки в карманах, его блат-команда ворвалась в первую попавшуюся на пути дверь.

– А ну, ходя, гони монету, – обратился Федька, поигрывая ножичком, больше похожим на кинжал, к скромно сидевшему у стены китайцу с трубкой в зубах. Больше он ничего не помнил. Какие-то тени мелькнули перед глазами. И всё. Очнулись все они во дворе, обобранные, как говорится, до нитки, перед самым утром. Пришлось идти грабить другие места. Хорошо, хоть живыми остались.

Поняв, что во Владивостоке им больше делать нечего, братки во главе с Федькой двинулись на запад – в Москву и Петербург. После неудачного ограбления поезда недалеко от Читы Федькина банда, теряя людей, всё-таки добралась до Москвы, а затем и до Петербурга, где и осела. Местный криминальный мир встретил их неприветливо, но постепенно положение банды укреплялось. Федька побывал в царских тюрьмах, на сибирской каторге, стал вором в законе. Всё это время он мечтал встретить сестру милосердия, дважды вставшей на его пути, и поквитаться с ней по бандитским понятиям.

В 1930-е годы Федька Стреляный был уже уткой со стажем и имел определённый вес в криминальных кругах. В очередной раз его «замели» в 1934 году, и он оказался в одной камере с Евгением Богдановым, сыном Валерии, обвинявшимся по 58-й статье.

...Через несколько дней после прибытия в Петербург Валерия встретила с Иваном Богдановым. Свидание после долгой разлуки вышло несколько неуклюжим. Иван не решился на поцелуй. Валерия, рванувшись было к нему, просто протянула руки. Так и простояли они несколько минут, пока Иван не потребовал:

– Ну, рассказывай!

– А чего рассказывать – одна рутина: перевязки да операции. Начинай первый, – ответила Валерия.

Иван задумался: «А действительно, что рассказывать-то? Как пошёл вместе с рабочими к царскому дворцу в январе? Как убегал, спасаясь от казаков? Как участвовал в студенческих сходках?»

– Да, знаешь, Лера, – обратился он к девушке по имени, которым звали её в семье, – я действительно участвовал в волнениях. Из студентов горного института нас было человек 40–50. Но меня как-то не задел ни казацкие нагайки, ни солдатские приклады. Пока занятия в институтах отменены, и я не знаю, что меня ждёт после окончания этих событий... Если кто-нибудь донесёт, что видел меня на собраниях, могут и отчислить. А так хочется доучиться.

– Будем надеяться на лучшее, – ответила Валерия.

Так и встретились Валерия и Иван в то беспокойное время. На улицах Петербурга, особенно центральных, несут службу усиленные военные патрули. По городу ходят войска, много их и на вокзалах: обыскивают без исключения всех пассажиров.

В книге «Петербург в 1903–1910 годах», вышедшей в 1931 году, прозаик Сергей Минцлов писал о событиях в городе конца 1905 года:

«14 декабря. Аресты без конца... В Москву сегодня уходит экстренно вызванный Семёновский полк: стало быть, положение войск там не из блестящих. Бой на улице Москвы продолжается...

16 декабря. Москва воюет и расстреливается артиллерией...

25 декабря. Революция подавлена... из Петербурга и со всей Руси вести прежние, тёмные: повальные обыски, аресты и даже расстрелы.

31 декабря. Реакция торжествует по всей Руси. Петербург готовится к выборам в Государственную думу. Наступающий год встречаем мрачными глазами. Много ещё должно пролиться крови и разориться людей, прежде чем настоящий мир воцарится на Русской земле».

Весной в апреле 1906 года состоялись выборы в Государственную думу.

В Горном институте начались занятия.

Иван и Валерия решили пожениться сразу же после окончания Иваном института.

Между тем любовь набирала обороты, как двигатель корабля, идущего в атаку. Валерия часто размышляла о любви. Сравнивала её с болезнью – это какое-то ненормальное состояние организма, и не только её, но и его. А вот лекарства против этой болезни ещё никто не придумал. Валерия не была сентиментальной, она была девушкой с очень твёрдым характером: если любила, то навсегда, если отказывала, то тоже навсегда.

Иван и Валерия были одногодками, но родившимися в разные месяцы. Это в дальнейшем служило шутливым препирательством при определении, кто должен быть старшим в доме: конечно, тот, чей месяц в год рождения был ближе к январю. Иван млел от счастья, разглядывая утром свою Леру в одной ночнушке, когда она расчёсывала волосы перед зеркалом.

– И это всё моё! – восклицал он, не вставая с постели.

– Твоё, твоё, – отвечала жена.

– Но и моё немножко, – добавляла она с усмешкой.

Уходя на службу и возвращаясь, Иван не обходился одним-двумя поцелуями. Он отлавливал Валерию по всему дому и страстно целовал, как будто вознаграждал себя за «недоцелованность» во время свиданий.

– Поцеловыш ты мой! – едва отдышавшись, говорила Валерия.

Иван совсем недавно сменил студенческую тужурку на мундир горного инженера. Выходец из мещанской семьи, Иван Богданов благодаря врождённым способностям окончил институт по первому разряду. Ему прочили неплохую карьеру по службе. Был он выше среднего роста и с волевым лицом, жёсткими усами и ровным пробором в волосах. Женщинам он нравился. Женщины ему нравились тоже. Но, изучив характер Валерии, он знал: случись что-нибудь такое-эдакое – и ему несдобровать.

Не успел закончиться медовый месяц, как Ивана призвали «отбывать воинскую провинность», после которой ему был присвоен чин прапорщика. В 1909 году Валерия подарила Ивану дочь Нину.

Мало сказать, что Иван был счастлив, он просто души не чаял в жене и дочери. В семье царили лад и согласие. Иван получал достаточное денежное содержание, работая на разных инженерных должностях. В 1912 году хозяйка дома на Зверинской, в котором Богдановы снимали квартиру, затеяли реставрацию и капитальный ремонт, семья переехала на юг, в город Новочеркасск, куда Иван получил назначение в Управление казенными горными заводами юга России. Евгений Богданов появился на свет 1 сентября 1913 года.

Иван, вернувшийся из командировки по горным заводам и рудникам юга, ворвался в палату с каламбуром:

– Ну, родная, показывай мне Богом данного Богданова...⁸ Малыша называли Евгением.

...1913 год – особая веха в истории дореволюционной России⁹.

После переезда в Санкт-Петербург, в отремонтированный и отреставрированный дом, Валерия всё своё время отдавала семье: мужу и детям.

Наступил 1914 год. В воздухе витал запах пороховой гари. Иван говорил Валерии:

– Знаешь, Лера, мне кажется, что очень близко к нам подступает война.

Ведущие иностранные специалисты высказывались о неизбежном росте российской экономики в ближайшие годы. Но случилось так, что история не дала России необходимого спокойствия, и главное, мира как внешнего, так и внутреннего.

– Немцы уже больно активничают.

⁸ Фамилия Богданов, «Богом данный», происходит от церковного мужского имени Богдан. Корни этого имени уходят в Болгарию. Люди по фамилии Богдановы отличаются склонностью к творчеству, стремлению к достижению поставленной цели.

⁹ В школе автор учился по учебникам советского времени. Ещё сравнительно недавно в этих учебниках непременно обращались к цифровым показателям последнего года в преддверии Первой мировой войны. Этот год стал как бы высшим рубежом в истории Российской империи. Поэтому сравнение достижений страны социализма всегда оказывалось не в пользу царской России.

- Типун тебе на язык, Ваня, – возмутилась Валерия. – Куда я с этой малышкой денусь?
- К сожалению, предотвратить войну мы не сможем, – приобнял жену Иван.
- Господи! Ещё и 10 лет не прошло с той проклятой японской войны... И вот опять! –

Валерия замолчала, уткнувшись мужу в плечо.

Иван продолжал:

– События на Балканах таковы, что в них может вмешаться Россия, и тогда Австро-Венгрия и Германия тоже не останутся в стороне. Но ничего, пусть пруссаки только сунутся. Мы им покажем кузькину мать.

– Ну да, японцам мы уже показали, – парировала Валерия. – До чего же я не люблю это шапкозакидательство.

– Может, дай бог, и пронесёт, – успокоил её Иван.

К лету обстановка накалилась до предела. 28 июня 1914 года боснийский серб – студент Гаврило Принцип – убил в Сараеве эрцгерцога Австро-Венгрии Франца Фердинанда и его жену Софию Хотек. Последовали ультиматумы. В России была объявлена всеобщая мобилизация. 1 августа Германия объявила войну России. Солнечное затмение, случившееся 8 августа и прошедшее по местам будущих боевых действий, предвещало, по мнению верующих, приход Антихриста, разорение и неисчислимые бедствия.

Женечке не исполнилось и года, когда разразилась Первая мировая война.

31 августа 1914 года, в канун дня рождения Жени, Санкт-Петербург был переименован в Петроград. Это случилось в ходе борьбы с «немецким засильем». Но это название продержалось недолго. Через 10 лет, в 1924 году, год смерти В.И. Ленина, город получит новое название – Ленинград¹⁰.

Иван Богданов сразу же после начала Первой мировой войны был мобилизован. И до самой революции 1917 года служил в царской армии при различных штабах в должности штаб-офицера для особых поручений. Непосредственного участия в боевых действиях он не принимал, но несколько раз попадал в перестрелки и был даже легко ранен. Валерия оставалась в Петрограде с двумя маленькими детьми, вся забота о которых легла на её хрупкие плечи.

Иван иногда по делам службы наведывался в Петроград. Когда он появлялся дома, весь в скрипучих ремнях, с саблей на боку и пистолетом в кобуре, счастью Жени и Нины не было предела. От него пахло табаком и чем-то таким, что описать было просто невозможно. Дети хохотали, когда он их расцеловывал, потому что усы были колючими, и они почти в унисон восклицали:

– Ой! Щекотно! Щекотно!..

Наступили переломные 1917 год, Февральская революция, отречение от престола Николая II. История понеслась вскачь. Вулкан революции продолжал извергаться, погрузив Россию в хаос беспорядков.

В воинских частях создавались солдатские комитеты, которым принадлежал контроль над офицерами. Отменялось отдание чести, офицеры лишались дисциплинарной власти. 1917 год ознаменовался кровавыми расправами над офицерами.

В памяти Валерии и даже Нины (а ей к тому времени исполнилось семь лет) остались горящие костры, разложенные прямо на тротуарах, пирамиды винтовок рядом с ними. Вокруг костров стояли солдаты в серых шинелях и папахах, матросы в расстёгнутых бушлатах...

После октября 1917 года Иван пришёл домой в шинели без погон и фуражке без кокарды. Разговора об отъезде из Петрограда даже не заводили. Иван вступил, как тогда говорили, в Красную гвардию, переименованную впоследствии в Красную армию. Его пайки не хватало

¹⁰ Большинство россиян уверены, что первое своё название Санкт-Петербург получил в честь Петра I. Увы, это совсем не так. Санкт-Петербург был назван в честь Петра, но совершенно другого. Санкт-Петербург в переводе с немецкого означает «Крепость святого Петра», который был одним из апостолов Иисуса Христа и считался небесным покровителем российского монарха, поэтому царь и решил назвать свою будущую столицу в его честь.

для всей семьи. Выручала природная хватка Валерии, которой удавалось даже в такое тяжёлое время достойно вести домашнее хозяйство. Иван прослужил в Красной армии до 1921 года. После демобилизации он сразу же устроился на преподавательскую работу в нескольких ленинградских вузах. Но основным местом работы стал Ленинградский горный институт, где он был избран доцентом.

Нина Богданова училась в 178-й Трудовой школе первой и второй ступени при Педагогическом институте им. Герцена. Единая школа в то время подразделялась на две ступени: первая – для детей от восьми до тринадцати лет (5-летний курс), вторая – от тринадцати до семнадцати лет (4-летний курс). Школа располагалась в здании Константиновской женской гимназии, названной в честь великого князя Константина Константиновича Романова, президента Петербургской академии наук, общественного деятеля и поэта эпохи Серебряного века. Училась Нина легко и окончила школу в числе первых, но по своему социальному положению не имела права для обучения в вузах.

Жить стало легче. Иван к тому же писал статьи по техническому нормированию, публиковавшиеся в различных журналах.

А время шло своим чередом. Незаметно выросли дети. Детские игры в ленинградских дворах были такими же, как и во всех городах Советского Союза. И делились на «мальчишеские», «девчоночьи» и «смешанные». Во дворах многоэтажных домов всегда было много детей, которые каждый день гуляли на улице. Развлечений и забав было очень много: прятки, догонялки, футбол с хоккеем, чехарда. Девчонки скакали в классиках, прыгали через резинку и скакалку, играли с куклами в дочки-матери. Женя восхищённо смотрел на Нину, когда она громко выкрикивала считалки:

– На златом крыльце сидели царь-царевич, король-королевич, сапожник, портной. Кто ты будешь такой?

Или:

– Эники-бэники ели вареники...

Или ещё какую-нибудь белиберду.

В семье Богдановых было заведено один час в день отдавать музыке, и Валерия очень строго следила за этим распорядком. И Нина, и Женя к окончанию школы довольно прилично играли на рояле. Комнатный белый рояль был изготовлен на паровой фабрике пианино в г. Санкт-Петербурге (так значилось под крышкой рояля) ещё в прошлом веке.

Женя (а он был младше Нины на три года) учился в Советской единой 176-й Трудовой с индустриально-техническим уклоном девятилетней школе. Школы этого типа были созданы ещё в 1918 году взамен царских гимназий. Было введено также совместное обучение мальчиков и девочек. Обучение стало светским и тесно связанным с производством. Учителей тогда называли «шкрабами» (от «школьный работник»). С 1923 года по всей стране было введено платное обучение. В силу своего происхождения ни Женя, ни Нина не были приняты в пионеры и комсомол.

Они не ходили в церковь, с детства чувствовали, что они не такие, как все, им мешало социальное происхождение. Женя был отличником и обнаружил особую склонность к точным наукам (физике, математике и даже химии). Однако социальное происхождение не давало брату и сестре возможности поступить в институт и получить высшее образование.

Революция стёрла грань между сословиями. «Ваше благородие» и «ваше превосходительство» канули в Лету, туда же последовали «барышня», «сударь» и «сударыня», «господин» и «госпожа». Все эти обращения заменило пролетарско-крестьянское «товарищ». Почётно было быть рабочим и крестьянином.

Валерия Александровна из всех писателей выделяла Антона Чехова и частенько наставляла детей его словами: «В человеке всё должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли». Любимым развлечением было кино. Фильмы смотрели по несколько раз. Иван Алек-

сандрович научил Женю лет шести игре в шахматы. Оказалось, на свою голову. Нередко тот вечером выходил из своей комнаты с шахматной доской под мышкой и вопросительно смотрел на отца.

– Ну, что с тобой сделаешь, – восклицал отец, и они садились играть.

А уже через пару лет Иван Александрович частенько получал мат от сына. Нина в шахматы не любила играть, зато в игре в шашки ей не было равных. Она обыгрывала всех. Ну и, конечно, к чтению дети пристрастились с раннего возраста. Они не могли уснуть, если не прочитают страниц десять – двадцать. Валерия Александровна много внимания уделяла обучению детей иностранным языкам. В итоге Евгений владел несколькими языками, а на английском и немецком читал литературу в подлиннике.

Детство закончилось, а с ним и дворовые игры. Наступило отрочество, а с ним и столкновения с уличной шпаной. Женя избегал ссор с хулиганами. Но так уже повелось во все времена: отличников и «чистеньких» сверстники не любили.

Во дворе дома, где жила семья Богдановых, работал дворником то ли китаец, то ли японец, а может быть, и кореец, которого звали коротким именем Ван. Жители дома и вовсе называли его Иваном. Иван с круглым лицом и узкими глазами. Умора!

Женя часто приставал к матери и спрашивал её, как отличить китайца от японца или корейца. Мать отмахивалась:

– Да откуда я знаю...

Женя не унимался:

– Но ты же была на Дальнем Востоке и видела их всех...

– Видела, ну и что? Знаю, что китайцы ходили с длинными косами, а корейцы – в белых одеждах и в шляпах.

Ван жил в подвальном помещении дома в крохотной комнатухе, поддерживал двор в идеальной чистоте, а в свободное время сидел у стены дома на корточках, курил длинную трубку и наблюдал за жизнью двора. Его и без того узкие глаза были прищурены, и он напоминал китайского болванчика. Была такая фарфоровая статуэтка – сидящий китаец с головой, закреплённой на проволоке. При любом толчке голова начинала качаться туда-сюда, туда-сюда. Может, поэтому фигурку и называли «китайский болванчик». В квартире Богдановых такой болванчик долго стоял на комоде.

Женя ещё в раннем детстве заглядывал в каморку дворника, расположенную прямо под крыльцом, прихватив какую-нибудь еду. Он удивился чистоте более чем скромного жилища. Ван покурил трубку, а Женя просто сидел и просто думал. В гостях у китайца и думалось как-то по-особому.

Ближе к окончанию школы ему приходили в голову мысли о жизни. Он думал: «Почему это вся наша жизнь состоит из ожиданий? Сначала ждёшь, когда вырастешь и пойдёшь в школу, потом ждёшь, когда её окончишь, поступишь в вуз, окончишь его... Ждёшь, когда что-нибудь изменится... Все время ждёшь, ждёшь. Хорошо, если ожидания оправдаются, а если...»

Он даже в мыслях не мог предположить, что не всё, чего ты ждёшь, сбывается... А между тем Ван наблюдал, как драки со шпаной становятся всё серьёзнее. И не только синяками может закончиться очередная стычка. Ван наблюдал, как Женя беспорядочно машет кулаками, пытается отбиться сразу от всей шпаны.

Как-то он подошёл к Жене и сказал:

– Ходи моя сколо-сколо (т. е. быстрее)...

Он пошёл к себе в каморку под крыльцом, а Женя вспомнил, как мать говорила:

– Ты знаешь, Женя, я вспомнила, что китайцы и корейцы не выговаривают русскую букву «Р», заменяя её буквой «Л», а японцы, наоборот, вместо буквы «Л» говорят «Р». Женя пошёл вслед за Ваном, а тот поставил его против себя и проговорил:

– Твоя моя мотли и делает так...

Он заставил Женю повторить несколько приёмов какой-то неизвестной то ли борьбы, то ли бокса, добиваясь почти автоматического их исполнения.

В следующей стычке Женя легко раскидал по двору напавших на него хулиганов. На этом закончились походы шпаны в их двор.

Ван покурил трубку, покачивал головой с удовлетворением. В дальнейшем эти приёмы Женя использовал в крайних случаях, но один из таких случаев попал в милицкий протокол и аукнулся в процессе допроса, уже в НКВД. После поступления в институт Женя хотел поделиться с Ваном своей радостью, но в камере находился уже другой дворник, а Ван куда-то исчез навсегда...

После окончания школы Нина попыталась поступить в горный институт Ленинграда и получила отказ: «Мест нет», как и было в других вузах, куда она обращалась.

Иван Александрович утешал, как мог, дочь, списался с братом Валерии Дмитрием, который заведовал кафедрой в политехническом институте во Владивостоке, и с ректором этого вуза Вологдиным Виктором Петровичем.

После беседы с женой Иван Александрович сказал Нине:

– Поедешь во Владивосток, поступишь в ГДУ – дядя поможет, – а через год переведёшься в горный институт и переедешь в Ленинград...

Тактический ход по преодолению запретов власти сработал. Двоюродный брат Нины Вадим Мацкевич писал в своих воспоминаниях:

«В сентябре 1928 года я поступил по конкурсному экзамену в ДВПИ. Готовились к экзаменам вместе с Ниночкой Богдановой, моей двоюродной сестрой, приехавшей для этого из Ленинграда. Жили летом на Океанской, на даче Ломан. Как дети интеллигенции, что было близко к «лишенцам»¹¹, мы вряд ли попали бы в институт. Но папа к тому времени был уже преподавателем лесотехнического факультета, это сыграло свою роль. Нас приняли – меня на механический факультет, а Нину – на горный. На следующий год она уже перевелась в Ленинградский горный»...

Студенткой старших курсов она уже работала на Дальнем Востоке и в Средней Азии геологом, занимая различные инженерные должности, вплоть до начальника поисковых партий. В выборе профессии, вероятнее всего, сыграли отцовские гены. Особым здоровьем она не отличалась, но стойко переносила все тяготы геологической службы.

В 1933 году она вышла замуж за своего начальника по работе Виктора Волкова.

Евгений окончил школу в 1930 году на одни пятёрки и подал документы для поступления в Ленинградский машиностроительный (политехнический институт), но получил стандартное: «...в число студентов по специальности не зачислены за отсутствием мест». Пришлось вмешаться отцу. Дело в том, что к тому времени действовала десятипроцентная норма поступления в вузы детей специалистов только по развёрстке Ленинградского областного совета народного хозяйства (ЛОСНХ).

Работая в этой организации, Иван Александрович ещё в 1929 году заявил о намерениях перейти работать «на производство». Он был неплохим специалистом, его довольно высоко ценили, и начальство пообещало оказать содействие в поступлении сына Евгения в вуз. Пришло время выполнить обещание, тем более что Иван Александрович прошёл чистку советского аппарата и ему было вынесено определение: «Оставлен на работе». После писем отца в ЛОСНХ с напоминанием о взаимных обязательствах Евгений получил уведомление: «Вам надлежит явиться в Институт 24 сентября от 12-5 ч. В приёмную комиссию».

¹¹ Лишенец – неофициальное название гражданина СССР, лишённого избирательных прав в 1918–1936 годах согласно Конституций 1918 и 1925 годов. Кроме того, лишенцы не имели возможности учиться в средних и специальных или высших учебных заведениях. Формально поступать в вузы они могли, тем не менее при подаче заявления их часто ожидал один и тот же ответ: «Мест нет».

Так Евгений стал студентом факультета производственного машиностроения Ленинградского машиностроительного института.

Началась обычная студенческая жизнь самого молодого студента на курсе (ему только что исполнилось 17 лет).

К тому времени Евгений владел тремя иностранными языками и чаще других сдавал за всех однокурсников принятую тогда систему групповых зачётов, известную под названием «лабораторно-бригадного метода», когда лабораторные работы и зачёты сдавали «бригадой». Из бригады (3–4 человека) отвечал кто-нибудь один. Другие только поддакивали или вообще молчали. Зачёт получала вся бригада.

После рождения детей Валерия буквально провалилась в материнскую роль, полностью растворилась в общении «мать и дети». Иван начал испытывать эмоциональный дискомфорт, он оказался вытесненным на периферию семейной жизни. Может быть, поэтому он начал искать утешение на стороне и... нашёл.

Посчитав, что он сделал для устройства детей всё что смог, и теперь они могут обойтись без него, Иван Александрович ушёл из семьи в 1932 году, как раз в 25-ю годовщину со дня венчания с Валерией, или, по народным приметам, в канун «серебряной свадьбы».

И Евгений, и Нина тяжело переживали уход отца. Что уже тут говорить о чувствах Валерии Александровны...

Евгений недоумевал: как можно было оставить мать, такую нежную, такую любящую...

Беседуя с Евгением после окончательного решения об уходе из семьи, отец проговорил:

– Любовь – штука жестокая, она никогда и ничего не учитывает...

Помолчал и добавил:

– Каждая любовь имеет свой срок. Повзрослеешь, сын, узнаешь...

Но сын не понимал и не принимал эту философию.

Валерия Александровна восприняла уход мужа стойко. Она не плакала, не устраивала сцен.

Хотя последнее время догадывалась, что Иван с ней неискренен. Он часто допоздна задерживался на работе, иногда не приходил ночевать, от него пахло чужими духами.

Расставаясь с мужем, Валерия Александровна только и смогла проговорить:

– Учти – ты уходишь навсегда. Порог этого дома ты не переступишь больше никогда.

В свои 37 лет она до конца жизни оставалась «соломенной вдовой».

В это непростое для семьи время Валерия Александровна стала не только другом и советчиком детей, но и надёжной поддержкой и опорой по жизни. Евгений и мать были как две капли похожи друг на друга: один и тот же овал лица, разрез чёрных пронзительных глаз, очертания губ, немного удлинённый нос. Тёплые и доверительные отношения с самым дорогим и близким человеком – матерью – Евгений сохранил на всю жизнь.

С уходом отца разговоры и даже упоминания о нём в семье не велись, как будто его не было совсем. Не пытаясь преодолеть табу на посещение семьи, Иван помогал и детям, и Валерии материально и морально.

И только через десять лет после ухода из семьи Иван Александрович покается перед родными, написав в блокадном Ленинграде перед самой смертью в феврале 1942 года исповедь-завещание. Он скончался от голода, в полном сознании, брошенный второй семьёй. К тому времени ему было, как и Валерии Александровне, шестьдесят лет.

Негнувшимися пальцами, делая перерыв после каждого вымученного слова, Иван Александрович писал:

«Завещание

Лере, Нине и Жене

Передать кому-нибудь из них в случае моей смерти. Мои милые любимые Лера, Нина, Женя, умираю – слёг от голода. Я не буду рассказывать, что пришлось пережить в эти месяцы в Ленинграде... И вот умирая, я последние мои мысли, последние проблески сознания обращены к вам троим и только к вам. Я вспоминаю только хорошее в нашей жизни, а оно было. Я люблю вас – тебя, Лерочка, как жену и друга, Женю и Нину – как детей – друзей. Простите меня за то, что являюсь с моей стороны злом, я всё-таки всегда стремился к вашему благу. Я много сделал ошибок и расплатился за них жизнью. К сожалению, наши понятия о чести, о справедливости разошлись и развели нас друг от друга.

Но сейчас – повторяю – сердце всё отменяет и стремится к вам и только к вам, и стремится бескорыстно, ибо письмо будет вручено вам только после смерти. Пусть судьба принесёт счастливый конец жизни и тебе, Лерочка, среди детей и внуков (я их теперь уже не увижу больше!), а вам, мои дети, счастливую вторую половину жизни.

Не мстите людям, которых вы считаете причиной ухода моего.

Целую, крепко обнимаю.

Лерочка, любимая – последний вздох будет о тебе – прости, я сделал ошибку, уйдя от тебя.

Ваня».

Сосед по лестничной клетке в доме Ивана Богданова А.А. Лацинский отправит это письмо дочери Нине из блокадного Ленинграда.

А Евгений получил его только через несколько лет.

В течение всей учебы в институте студент Евгений Богданов получал только отличные оценки. Он был довольно общительный, часто становился душой студенческих компаний, которые собирались на квартире Богдановых, где их радушно принимала Валерия Александровна.

Среди друзей Евгения «числилась» Шура Шурыгина, комсорг курса, и Георгий Кульпин, которого все звали Жора. На студенческих посиделках Евгений лихо отплясывал чечётку, великолепно исполнял фортепианные пьесы – в общем, был заводилой. Иногда он рассказывал анекдоты, некоторые из них были на грани фола по отношению к политической система СССР.

Частенько они весело распевали студенческие песни, одна из которых оказалась для Евгения пророческой:

Дёрнул чёрт меня податься
В этот институт.
А теперь сижу в общаге,
Назначенья жду...
На Магадан, на Магадан
Иль на Алдан
Готовлю в путь свой чемодан.

Евгений не замечал злобных взглядов Жоры, который тут же отводил глаза в сторону, когда их взгляды встречались. А Жора завидовал лютой завистью. И успехам Евгения в учёбе, и к тому зарождавшемуся чувству симпатии Евгения и Шуры. Однажды компания засиделась до позднего вечера, Евгений вызвался проводить Шуру, а за ними увязался и Жора.

В одной из тёмных проходных арок Жора отвлёк внимание Евгения. Шура в одиночестве прошла метров сто. Неожиданно из темноты её окружили четверо. Женя кинулся на выручку, а Жора трусливо спрятался в какой-то нише.

– Эй, ребята, – попробовал Евгений защитить Шуру, но услышал в ответ:

– Вали отсюда, пока цел.

Тут же в лицо ему нацелился здоровенный кулак. Евгений увернулся, а парень улёгся на асфальт. Тот же самое случилось с его подельниками. Четвёртый, стоявший на стрёме, дал стрекача. В ту же минуту на место происшествия подоспели милиционеры. Всех доставили в отделение, составили протокол. Жоры нигде не было... Знал бы Евгений, чем ему обернётся этот привод в милицию...

Шура Шурыгина закончила постирушки, замочила белую кофточку в таз и пошла с ним в свою комнату. Поставив тазик на табуретку у стены, Шура расправила плечи, выгнула поясницу и пропела слова модной песенки:

– А ну-ка, девушки! А ну, красавицы...

За окном стояла характерная для Ленинграда весенняя погода. Наступал период белых ночей, и, несмотря на вечернее время, на улице было светло как днём. Ситцевый халатик едва прикрывал Шурины коленки и ненавязчиво подчёркивал изгибы девичьей фигуры. Шура крутанулась перед настенным зеркалом, разглядывая себя со всех сторон, и вдруг услышала, как кто-то вошёл в комнату и закрыл дверь на ключ. Замок угрожающе щёлкнул, Шура повернулась к двери и увидела, как к ней медленно направляется Жора Кульпин. Шура заметила нехороший блеск в его глазах и даже дорожку слюны в уголке губ.

Шура попыталась остановить его, спросив каким-то осипшим голосом:

– Ты что, с ума сошёл, Жорик? А?

Но Жора продолжал молча наступать. Шура облокотилась руками на стенку и неожиданно нащупала таз с замоченной кофточкой. Резко развернувшись, Шура схватила тазик и окатила содержимым опешившего от неожиданности Жору. Пока тот приходил в себя, Шура бросилась к двери, повернула ключ и выскочила в коридор.

Шура перевела дух, нервно рассмеялась и влетела в первую попавшуюся дверь, из-за которой слышались голоса студенток.

После этого случая Жора увязывался за Шурой и униженно просил не рассказывать никому, что случилось. Он оправдывался, что хотел только её поцеловать, а дверь закрыл, чтобы никто не помешал. Шура только фыркала в ответ. Ей и самой было стыдно это вспоминать.

Однажды гурьба студентов выпускного курса двигалась по коридору, шутя, подталкивая друг друга. На минутку остановились у бюста Сталина.

Жора незаметно толкнул бюст, тот слетел с постамента и разбился вдребезги. Кто-то воскликнул:

– Так ему и надо!

Студенты бросились врассыпную.

Жора удовлетворительно и чуть ли не вслух подумал:

«Ну всё. Спёкся, голубчик!»

В тот же вечер Жора отнёс в местное отделение НКВД доклад на Евгения, который считал его своим другом.

Приговор

*Это было, когда улыбался
Только мертвый, спокойствию рад.
И ненужным привеском качался
Возле тюрем своих Ленинград.*

Анна Ахматова

В истории России XX века политические репрессии¹² 30-х годов прошлого века занимают особое место. В народе их называли сталинскими. Об этих событиях рассуждали и рассуждают до сих пор многие историки. Однако до настоящего времени они так и не пришли к единому мнению относительно исторической подоплёки этих репрессии. В СССР репрессии проводились в 1927–1953 годах.

В эти же годы расцвела система массового доноительства, поощряемая властью. Писал сосед на соседа в коммунальной квартире, рассчитывая в случае его ареста занять освободившееся помещение, писали карьеристы на сослуживцев, стремясь получить освободившееся место, писали просто по злобе или же из зависти...

Известный писатель Сергей Довлатов, сам хлебнувший горечь лагерей, писал: «Мы без конца ругаем товарища Сталина, и, разумеется, за дело. И всё же. Я хочу спросить: кто написал четыре миллиона доносов?»¹³

На полученные от добровольных помощников сведения о «врагах народа» карательные органы реагировали мгновенно.

Ночью во дворе раздавался скрип тормозов. По окнам дома скользили огни горящих фар. Хлопали дверцы автомобиля. Из чёрной машины выходили энкаведэшники. У жильцов дома замирали сердца: «К кому?»

Служебный автомобиль, который в народе окрестили «чёрным вороном» предназначался для перевозки арестованных.

Как тут не вспомнить слова из песни: «... Чёрный ворон, чёрный ворон, что ты вьёшься над моею головой?»

И чёрный ворон, кружащий над головой, и появление «чёрного ворона» у подъезда дома предвещали беду.

Служебный автомобиль НКВД марки «ГАЗ М1», или просто эмка, имел помимо названия «чёрный ворон» ещё одно, редко встречающееся название «чёрная маруся». В стихах поэтессы Анны Ахматовой «Реквием» есть такие строки:

Звезды смерти стояли над нами,
И безвинная корчилась Русь
Под кровавыми сапогами,
И под шинами «чёрных марусь».

В 30-е годы старую русскую поговорку «Доносчику первый кнут» сменила другая: «Лучше стучать, чем перестукиваться».

¹² Политические репрессии (от лат. *repressio* – подавление, угнетение) – наказание, карательная мера, применяемая государственными органами с целью защиты и сохранения существующего строя.

¹³ Некоторые историки указывают, что в архивах НКВД – КГБ сохранилось более пяти миллионов письменных доносов. Точная их цифра, конечно, неизвестна.

Историки подсчитали, что более 90 % арестов были инициированы доносами «снизу».

Ночью 16 декабря 1934 года «чёрный ворон» остановился у подъезда дома, где проживали Богдановы. Раздался властный стук в дверь. Чекисты вошли в дом. Старший из них спросил:

– Евгений Иванович Богданов здесь проживает?

– Да, здесь, – ответила почувствовавшая беду Валерия Александровна.

Чекист протянул бумагу:

– Ордер на обыск. Юноша, станьте к стене.

При обыске в столе были найдены пистолет «Велодог», привезённый Валерией Александровной из Владивостока. И американский журнал, в котором бдительные чекисты обнаружили карикатуру на Сталина.

– Собирайтесь, Богданов. Поедете с нами.

– Но за что и почему? – только и смогла вымолвить Валерия Александровна. – Он же ни в чём не виноват...

– Не беспокойтесь, мамаша. Безвинных у нас не сажают. Разберёмся, – заверил чекист, который предъявлял ордер и руководил обыском.

Евгения привезли в ДПЗ (дом предварительного заключения) на Шпалерной улице. Конвоир толкнул его в камеру, до отказа забитую людьми.

У Евгения в голове промелькнуло где-то прочитанное:

«Минута, когда заключённый увидит затворившуюся за ним дверь, производит на человека глубокое впечатление, каков бы он ни был – получил ли воспитание или погружён во мрак невежества, виновен или невиновен, обвиняемый ли он и подследственный или уже обвиняемый. Вид этих стен, гробовое молчание – смущает и поражает ужасом. Если заключённый энергичен, если он обладает сильной душой и хорошо закалён, то он сопротивляется...»

– Идите сюда, – подозвал его седоватый человек интеллигентного вида. – Вы по какой статье обвиняетесь? – спросил он.

– Да я ничего не знаю. Просто обыскали квартиру, засунули в автомобиль, и вот я здесь.

– Значит, кто-то настроил на вас донос, – заверил Евгения спрашивающий.

– Да кому я нужен, – недоумевал Евгений.

– Поищите среди своих друзей, – посоветовали ему.

За неделю до первого вызова на допрос сидельцы, как могли, образовали Евгения.

«Главное, отрицайте все обвинения», – говорили они ему. А чтобы выжить, помните некоторые истины: никогда никого и ничего не бойтесь; никогда никого и ничего не просите; никогда никому не рассказывайте о себе; никогда никому не верьте.

Наконец Евгения вызвали на допрос.

За день до этого следователь допрашивал Шуру Шурыгину.

Сначала она отвечала на ничего не значащие вопросы. Потом следователь заявил:

– А сейчас напиши о том, как Богданов сотрудничал с иностранными разведками, как занимался подрывной деятельностью, как стал врагом народа...

– Да ничего такого не было. Он был прекрасно успевающим студентом. А когда собирались у него дома, он играл на пианино. Никаких разговоров, порочащих советскую власть, он не вёл.

Следователь потемнел лицом, ударил кулаком по столу, так что чернильница-непроливайка подпрыгнула и едва не опрокинулась.

Шура вся сжалась.

– Вот что, курва. Или напишешь всё, что тебе продиктуют, или пойдёшь по этапу за связь с врагом народа, – очень медленно проговорил следователь.

– Да как вы смеете, – пискнула Шура.

– Смею, смею, да ещё как смею, – издевательски произнёс следователь.

– Бери ручку, пиши, – приказал он.

Шура, глотая слёзы, писала под диктовку следователя:

«За время пребывания в группе обнаружил себя: 1) антисоветски настроенным, 2) имеет связь с фашистским элементом в Германии, 3) враждебно относится к мероприятиям, проводимым парторганизацией, 4) сеет явно враждебные настроения среди преподавательского состава и наиболее активных т.т. из группы, 5) на квартире часто собирается антисоветский элемент и ведутся оживлённые антисоветские разговоры по адресу наших вождей (т. Сталина), 6) участник совместно с Майденом, Юзеком в вопросе саботажа новой специальности и группирования внутри группы, около себя, наиболее реакционно настроенной части группы. Недостойн звания советского инженера как явно подозрительная личность».

В характеристике, подписанной директором института, деканом и секретарём парткома, наиболее страшные обвинения не повторялись, иначе бы студент не отделался 5-летним сроком заключения.

Через несколько дней Евгению устроили очную ставку с Жорой Кульпиным... Евгений не верил своим глазам.

Жора – один из его друзей – и такое! Оказывается, именно Евгений толкнул бюст Сталина, чтобы тот раскололся, именно Евгений крикнул: «Так ему и надо!» Именно Евгений привечал у себя студента Каталынова, который был их однокурсником в Политехническом институте и являлся руководителем троцкистско-зиновьевской группы, откуда вышел убийца Кирова Николаев...

Это был период, когда развернулись массовые репрессии после убийства 1 декабря 1934 года секретаря Ленинградского обкома ВКП(б) Сергея Мироновича Кирова, известные как «Большой террор». Органам НКВД надо было уничтожить троцкистско-зиновьевский блок.

Незначительного факта совместного обучения Богданова и Каталынова оказалось вполне достаточно, чтобы Евгений стал «узником смерти», как впоследствии писал он в своих воспоминаниях.

Он ещё не знал о том, что Жора приходил к Валерии Александровне после ареста Евгения и просил его конспекты для подготовки к написанию своего дипломного проекта. Конечно же, мать дала их ему, не подозревая, что перед ней стоял с протянутой рукой тот, чей донос принёс столько боли и страданий и ей, и её сыну...

На следующей очной ставке Кульпин сообщил, что был свидетелем, как Евгений избил ни в чём не повинных людей, по-видимому рабочих, о чём записано в протоколе местного отделения милиции.

– И это, наверное, было неоднократно, – добавил он.

Следователь тут же занёс в протокол:

«Пользуясь недозволенными приёмами, постоянно избивал представителей передового рабочего класса».

А Евгений подумал, что прав был Лев Толстой, когда написал, что «трусливый друг страшнее врага, ибо врага опасаясь, а на друга надеешься». Если бы раньше Евгений мог прочесть мысли, теснящиеся в голове у Кульпина, он бы узнал, о чём думал тот, собирая по крупицам компромат на своего якобы друга.

«Мир устроен так, что один получает всё – красавицу-студентку, успехи в учёбе, умеющий играть на фортепиано, знать иностранные языки, а другие вынуждены плестись в хвосте...

Нахапавшие полные карманы счастья, они не понимают таких, как Кульпин, которым государство позволило с помощью доносов устранять конкурентов по учёбе и вообще по жизни».

Следствие по делу Евгения Богданова длилось более полугода. В камере всё время менялись люди: кого-то уводили на допрос и он уже больше не возвращался, кого-то отправляли

по этапу, появлялись новенькие – и блатные, и политические, которых называли по-разному: и суками, и предателями, и политиками, и контриками, и каэрами (от «контрреволюционеры»).

На прогулку с политическими выпускались и уголовные. Кого только тут не было: и бывалые урки, и малолетние преступники. Однажды в тюремном двореке к Евгению подошёл человек, по внешнему виду похожий на рабочего. Он стал жаловаться на терзающие его нравственные страдания, вызванные тюремным заключением. Евгений сочувственно поддакивал ему, а потом неожиданно задал вопрос:

– А вы по какому делу проходите?

– Да, я числюсь в списке провокаторов, – ответил тот. Евгений поспешил отойти в сторону... Больше он его никогда не встречал.

Коротая время в камере между допросами, Евгений пытался унять боль от побоев, а следователь бил профессионально. Евгений не подписывал никаких протоколов и отрицал все предъявленные обвинения. Но это существо дела не меняло. Следователь на каждом протоколе делал приписку: «От подписи отказался» и аккуратно подшивал бумаги, ставшие документами, в картонную папку.

Следователь остался безымянным, как не удалось узнать и содержимое доноса Кульпина. Дело в том, что когда после 1953 года начались массовые реабилитации безвинно осуждённых и родственникам разрешали знакомиться с делами, то в них закрывалось всё секретное (в первую очередь информация о доносах и о следователях).

Последнее время Евгений чувствовал, что в камере за ним кто-то следит. Иногда его глаза натывались на недобрый взгляд пожилого уголовника, который был, по-видимому, на особом положении у блатных. Он не мог знать, что это был Федька Стреляный, тот самый, который в памятном 1905 году получил две пули в плечо, и на всю жизнь запомнил лицо Валерии.

Прошли годы, раны давали о себе знать – ныли на непогоду, а Федька всё искал свою обидчицу. Двадцатилетняя Валерия и двадцатилетний Евгений были похожи как близнецы...

Стреляный пытался подослать своих шестёрок, чтобы те разузнали, была ли его мать сестрой милосердия во Владивостоке. Наученный политическими сидельцами, Евгений не откровенничал.

Угол политических в камере всё время донимал шестёрка Стреляного по кличке Вонючка. Он незаметно пробирался к политическим, громко несколько раз портил воздух, громко же хохотал, обнажая редкие гнилые зубы, и декламировал:

– Нюхай, друг, хлебный дух, нюхай весь, ещё есть!

Сначала это очень нравилось уголовным, но вскоре надоело, и среди них многие роптали:

– Ну хватит уже, и так дышать нечем...

Действительно, в камере стоял тяжёлый, спёртый воздух от многих долго не мытых тел.

Однажды Стреляный подозвал Вонючку и проговорил:

– Что-то мне не нравится вон тот чистенький интеллигентик. – Он указал на Евгения и сунул Вонючке заточку. Приказным тоном потребовал: – Пойдёшь в очередной раз бздеть – уконтрапуй его. Никто не узнает.

Заточка – коварный инструмент уголовников, изготавливается в течение длительного времени, доводится до кондиции, а от удара на теле убитого не остаётся почти ничего, только крохотная красная точка. Поэтому причину смерти при беглом опросе определить довольно трудно – мало ли от чего скончался тот или иной сиделец.

Вонючка начал движение к цели, почти подкрался к Евгению и только приготовил своё знаменитое «Нюхай, друг, хлебный дух...», как раздался отборный мат, затем последовало:

– Да сколько терпеть можно! Бей Вонючку!

Образовалась куча-мала. Когда привлечённые необычным шумом надзиратели ворвались в камеру, сидельцы жались по стенам, а посреди камеры лежало тело Вонючки. Надзиратели взяли покойника за ноги и поволокли к выходу. Голова Вонючки глухо застучала по бетон-

ному полу. Потом начался великий шмон¹⁴, но ничего подозрительного, а тем более заточку, не обнаружили.

А в это время Валерия Александровна молилась... Исто́во молилась, встав на коленки перед иконой св. Татьяны, покровительницы студенчества. Она просила у заступницы сохранить жизнь её сыну-студенту и, если можно, облегчить его участь. Сле́з не было, как всегда, а была страстная вера в то, что святая Татьяна поможет Евгению сохранить жизнь. Она не знала, да и не могла знать, что в эти минуты урка Вонючка, по приказу Федьки Стреляного, подбирается к Евгению, чтобы вонзить ему в бок острую заточку.

В царской России во внешне православном государстве, общество было, как ни странно, далеко от религии. Почитая церковные праздники, люди следовали устоявшимся традициям, а после революции 1917 года вообще отвернулись от церкви.

Арест Евгения так подействовал на Валерию Александровну, что она вновь обратилась к вере и молила у Бога прощения для себя и защиты детей.

Может быть, именно её молитвы спасли Евгения от расправы, и приходили ему в дальнейшем на помощь в особенно трудные времена.

Евгению было жалко Вонючку, но он даже не подозревал, что смерть прошла мимо него самого буквально в двух шагах. На следующий день Стреляного отправили по этапу, случай с Вонючкой как-то забылся, а Евгений так и не додумался, почему Стреляный, проходя мимо него, ослабил:

– Ещё встретимся, щенок!

Но встретиться им не довелось. Стреляный пропал на просторах ГУЛАГа.

10 мая 1935 года Евгений Богданов был приговорён особым совещанием НКВД СССР¹⁵ к пяти годам исправительно-трудовых лагерей.

Ему было предъявлено обвинение в том, что «открыто высказывал свои контрреволюционные террористические намерения против вождей компартии и Советского правительства; не имея разрешения, носил огнестрельное оружие». Приговор был вынесен согласно статьям 58–10 и 182. Статья 58–10 гласила: «Шпионаж, т. е. передача, похищение или собирание с целью передачи сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной, иностранным государствам, контрреволюционным организациям или частным лицам, – лишение свободы со строгой изоляцией на срок не ниже трёх лет, а в тех случаях, когда шпионаж вызывал и мог вызвать особо тяжёлые последствия для интересов государства – расстрел».

Этот отдел мог без присутствия обвиняемого, прокурора и адвоката отправить людей в ссылку или в ГУЛАГ сроком до 5 лет. Особое совещание имело уникальные функции, поскольку врагом народа можно было объявить любого человека и можно было по простому подозрению отправить его в ссылку или в лагерь на целых 5 лет.

Статья 182 носила более мягкий характер: «Хранение огнестрельного (не охотничьего) оружия без надлежащего разрешения – принудительные работы на срок до шести месяцев или штраф до одной тысячи рублей с конфискацией снарядов и оружия».

В общей сложности Евгений провёл в тюрьмах Ленинграда почти год, когда его, наконец, перевели в «Кресты» для отправки на этап в лагерь...

Заключённых перевозили в теплушках под усиленной охраной. На крышах и площадках вагонов были установлены прожектора и пулемёты, на остановках выводили собак – овчарок. Делалось всё, чтобы ещё до места назначения сломать волю бедолаг.

¹⁴ Шмон – обыск.

¹⁵ В ноябре 1934 года, за месяц до ареста Евгения, в СССР был создан специальный отдел, который стал называться «особым совещанием» и получил самые широкие полномочия по борьбе с врагами народа.

Больше двух месяцев тащились на Дальний Восток эшелоны с зэками, простаивая целыми сутками на запасных путях. Вагоны с заключёнными доехали до Хабаровска, долго здесь простояли, наконец, их прицепили к составу, который дотащился до Волочаевки, и повернули к северу по новой железнодорожной ветке до разъезда Облучье. Евгений попал в БАМ-ЛАГ (Байкало-Амурский исправительно-трудовой лагерь) НКВД.

Основными здесь были работы по строительству железных дорог.

БАМЛАГ и пересылка

*В худых, заплатанных бушлатах,
В сугробах на краю страны —
Здесь было мало виноватых,
Здесь больше было – без вины.*

Анатолий Жигулин

Лагерная система в СССР образовалась не на пустом месте. Ещё в царские времена сложилась целая система ссылок, каторг и тюрем. Эту систему стали использовать сразу же после революции, создав концентрационные лагеря, в которых должны изолироваться «классовые враги». Система лагерей была подчинена ГУЛАГу – Главному управлению лагерей, созданному в 1930 году, и подчинена ОГПУ (НКВД), не только выполняла функцию надзора и наказания осуждённых, но и использовала труд заключённых на социалистических стройках.

Самыми страшными были лагеря на Колыме, где заключённые умирали не только от жестокого обращения, физического перенапряжения и болезней, но и от голода.

А самая горькая расшифровка ИТЛ – «исправительно-трудовые лагеря» была на Колыме переделана на «истребительно-трудовые».

Как правило, лагерь для заключённых состоял из трёх-четырёх десятков деревянных бараков – времянок, окружённых несколькими рядами колючей проволоки с караульными вышками по углам, на которых маячили вооружённые часовые.

В бараке были установлены по две печки типа буржук, сваренные из железных бочек. Печки топились только в холодное время года. В каждый барак набивалось до пятисот заключённых. Запах в бараках стоял тошнотворный.

Особенно трудно было выживать зимой, в сырую, типичную для севера погоду, когда зэки в одежде, пропитанной насквозь влагой, пробовали сушиться, растапливая печки: с потолка начинала капать вода, а в углах барака накапливалась изморозь. Каждый день умирали люди, их свозили к отдельному барaku, где складывали в штабеля...

Работающим зэкам давали в день от полукилограмма до килограмма хлеба, суп из солёной или мороженой рыбы, мороженую же картошку, а иногда суп из капусты. Одежда состояла из б/у (бывших в употреблении) кирзовых сапог, валенок и телогреек.

Узнав о приговоре для Евгения, Валерия Александровна не могла спать несколько ночей, а однажды, заглянув утром в зеркало, ужаснулась: её волосы стали белыми, а на лбу и висках возле глаз залегли глубокие морщины.

Ей сообщили, куда отправили Евгения для отбывания наказания.

«Это не так далеко от Владивостока», – подумала она и тут же написала письмо брату Дмитрию¹⁶, чтобы тот съездил в колонию и поддержал Евгения.

Она даже не представляла себе, как Женя, её мальчик, сможет выдержать каторгу, надываясь на чёрных работах.

По настоянию Валерии Александровны Дмитрий Мацкевич, дядя Евгения, выехал в Облучье, где как мог поддержал его нелегкую долю.

– Держись, Женя, держись, – напутствовал родственник. – Пять лет пройдут быстро, и ты будешь вспоминать эти годы как страшный сон...

¹⁶ Дмитрий Александрович в то время жил во Владивостоке и занимал должность профессора в Дальневосточном политехническом университете.

Сестре он отписал, что Женя выглядит неплохо, совсем не «доходяга». Режим лагеря не такой жёсткий, Женя приспособился к этому режиму и чувствует себя довольно терпимо.

В ноябре 1937 году профессора, бывшего капитана 1-го ранга царского флота Дмитрия Александровича Мацкевича после приезда его в Ленинград для защиты докторской диссертации арестовали, а в числе обвинения предъявили и поездку к племяннику – политзаключенному БАМЛАГа¹⁷.

Худо ли, бедно ли, но Евгений втянулся в тягомотину лагерной жизни и даже ухитрился выполнять, казалось бы, невыполнимую норму по укладке шпал и рельсов или перемещать тонны грунта для железнодорожной насыпи.

Два года Евгений Богданов провёл в Облучье, в лагерях БАМЛАГа, история которого начиналась с 1932 года. В соответствии с секретным постановлением Совнаркома СССР строительство железной дороги передали ОГПУ, впоследствии НКВД. Количество заключённых составляло более трёхсот тысяч человек, которые и построили железную дорогу с помощью тачек и лопат. Первый поезд пришёл в посёлок Тындинский в 1937 году.

В июне этого же года Евгения перевели в СЕВВОСЛАГ (Северо-Восточный исправительный лагерь), а сначала он попал на пересыльный пункт во Владивостоке, расположенный в районе Моргородка, в четырёх километрах от нынешней станции. Местные краеведы после долгих споров сошлись на том, что пересыльный пункт находился за стадионом «Строитель» и занимал часть территории нынешнего «Флотского экипажа».

В настоящее время от лагеря почти ничего не осталось, за исключением остатков каменного карьера, откуда заключённые носили камни для обустройства лагеря.

Этот пересыльный пункт, или лагерь особого назначения, действовал с 1931 года на протяжении десяти лет. Через эту пересылку прошли, отправляемые морским путём на Колыму, сотни тысяч заключённых, в том числе и политических «врагов народа».

Через этот лагерь прошли: покоритель космоса академик С. Королёв, выдающийся актер театра и кино Г. Жжёнов, писатели В. Шаламов и Ю. Домбровский, остался навечно в Приморской земле поэт О. Мандельштам...

Старожилы Владивостока называют это место «капустным полем», на котором какая-то организация высаживала и собирала большие урожаи капусты. В 30-40-е годы на берегу был пирс, который входил в охранную зону пересыльного лагеря и предназначался для посадки на суда эков, отправляющихся на Колыму.

Сокращённо лагерь имел неблагозвучную аббревиатуру Владперпункт (Владивостокский пересыльный пункт Дальстроя).

Ещё в 1935 году начальник пересыльного пункта Ф. Соколов докладывал:

«Владивостокский пересыльный пункт находится на 6-м километре от Владивостока. Основной его задачей является завоз оргсилы в Колымский край ДВК. Пересыльный пункт одновременно служит также перевалкой оргсилы, направляемой по отбытии срока заключения из Колымского края на материк. Для полного обслуживания возложенных не первых задач последний на своей территории имеет нижеследующие единицы:

а) стационар-санчасть на 100 коек в зимний период и до 350 в летний период, за счёт размещения в палатках. Кроме стационара имеется в палатке амбулатория пропускной способностью до 250 человек в сутки, а при стационаре... аптека, которая располагает достаточным количеством медикаментов и перевязочного материала за исключением остродефицитных лекарств;

б) хлебопекарню с необходимыми складами, как для муки, так и для хлеба, с производительностью, вполне покрывающей потребности лагеря;

в) кухню;

¹⁷ Турмов Г.П. На Сибирской флотилии. М.: Вече, 2013.

- г) склады для продуктов, вещей, материальных ценностей;
- д) баню-прачечную с необходимыми кладовыми и парикмахерской при ней;
- е) клуб вместительностью 350–400 человек с библиотекой при нём, состоящей из 1200 томов;
- ж) конно-гужевой транспорт из 5-10 лошадей и другие.

Кроме того, имеются подсобные производства, составляющие одно органическое целое хозяйство, состоящее из портновской, сапожной и столярно-плотницкой мастерских...»¹⁸

Когда эшелон прибыл на станцию «Вторая Речка» Евгений думал, что увидит, наконец, город Владивосток, где мать служила сестрой милосердия в военно-морском госпитале во время Русско-японской войны 1904–1905 годов. Однако их выгрузили из вагонов, построили, и после переклички под конвоем заключённых очень долго вели, сначала в сторону, откуда пришёл поезд, а затем повернули почти на 90° и пошли по вытоптанной тысячами ног дороге в сторону от моря. В то время территория эта была почти не заселена.

Во Владивостоке туман и морось вкупе с высокой влажностью приходится, как правило, на июнь месяц, нередко в это время проливные дожди и тайфуны.

Вот и в этот раз колонна заключённых двигалась под монотонные звуки дождя. Пока добрались до лагеря, заключённые вымокли до нитки. Конвойные, закутанные в плащ-палатки, особенно не страдали, но и на них погода действовала так, что не один замешкавшийся ээк схлопотал удар прикладом. Евгений под хлюпающие по лужам шаги вспомнил шутку матери, которая не единожды говаривала, намекая на географическое расположение города: «А во Владивостоке широта крымская, а долгота колымская».

Добирались до места назначения почти два часа. В лагере содержались, по данным управления, 18 500 заключённых.

После того как их распределили по баракам, Евгений спросил у ээка-старожила:

– А Владивосток где?

– Да там где-то, – махнул рукой куда-то в сторону ээк.

Заключённых отправляли на Колыму пароходами с мыса Чуркин, куда они доставлялись пешком окружным путём через восточные окраины Владивостока; изредка отправляли с причала топливной базы, расположенной в Амурском заливе. Позже их перевозили эшелонами в Находку и уже оттуда – пароходами на Колыму.

Евгений пробыл в пересыльном лагере совсем немного. Их команду быстренько включили в этап, отправляющийся на Колыму. Золотые прииски требовали дополнительной рабочей силы...

Дня через три после прибытия в пересыльный лагерь команду из БАМЛАГа, в которой числился Евгений, подняли рано утром, можно даже сказать – ночью, построили по пятёркам, и колонна в две тысячи человек последовала по тому же пути, по которому её вели в пересыльный лагерь. Их привели на пирс, и большие шаланды, напичканные до отказа ээками и конвоирами, выгрузились на берег, где слегка раскачивался на невысоких волнах пароход «Джурма».

Две тысячи ээков сидели на берегу в ожидании посадки. Сюда должен был бы доноситься шум большого приморского города – всё-таки Владивосток. Евгению почему-то запомнилась тишина. И запах моря...

Пароход «Джурма» был построен в Роттердаме (Нидерланды) в 1921 году для Нидерландской пароходной компании. В 1935 году был продан СССР, где и получил название «Джурма». В переводе с эвенкийского это значит «светлый путь» или «солнечная тропа». На самом деле ээки называли его «невольничий корабль», т. к. он стал использоваться для перевозки заключённых из Владивостока на Колыму. Обратно везли золото, редкие металлы, в частности олово, а также командированных и лиц, уже отсидевших своё в колымских лагерях.

¹⁸ Государственный архив Магаданской области Ф. Р. 23-сч. Оп. 1. Д. 3805. Л. 65.

Согласитесь, что «невольничий корабль» и «светлый путь» как-то не сочетаются между собой.

Не все выдерживали это тяжёлое «путешествие»...

Этап, в котором оказался Евгений, был отправлен в июне и оказался вполне благополучным: без штормов, пожаров, которые нередко происходили во время рейсов на Колыму.

Особой качки вроде бы и не было, но тех, кто сильно ослабел, рвало.

Евгений не был подвержен морской болезни, и всё-таки тяжёлый воздух в тюрьмах, плеск мазутной воды в льялах¹⁹, которая иногда выплёскивалась в трюм, где были раскреплены многоярусные нары, действовал и на него.

После каждого колымского рейса «Джурмы», да и других пароходов, сараи в бухте Нагаева были забиты трупами. Приехавшие с таёжных причалов принимать зэков старшие вертухаи сетовали:

– Опять трупы привезли, а нам рабсила нужна, план выполнять.

Не было исключением и этот, прибывший на Колыму, в составе которого был заключённый Евгений Богданов, грустным взглядом провожавший кортеж зэков, переносивших на причал носилки с не выдержавшими вроде бы и не такой тяжёлый морской переход.

¹⁹ Льялы – водосток в нижней части трюма по всей его длине, образованный крайним к борту междудонным листом и наружной обшивкой, где сплавляются льяльные воды, т. е. воды, загрязнённые нефтепродуктами.

Колыма

*Будь проклята ты, Колыма,
Что названа чудной планетой.
Сойдѣшь поневоле с ума,
Отсюда возврата уж нету.*

Аркадий Северный (по одной из версий)

На Колыме, как ни странно, не было советской власти, она была закрытой территорией, а официально советская власть там была установлена только в 1953 году, после смерти Сталина.

На этой огромной территории хозяйствовали Дальстрой и ГУЛАГ, подчинѣнные напрямую Управлению Северо-Восточных исправительно-трудовых лагерей (УСВИТЛ).

Вообще основание Колымы начинается с 1931–1932 годов. Первые экспедиции геологов и их изыскания показали, что в недрах зарыты большие запасы редких металлов и, конечно, золота.

Поэтому на Колыму доставлялись заключѣнные со всех концов страны. А заключѣнных в СССР всегда хватало.

О Колыме и Дальстрое в последние годы написано и издано множество книг: художественных произведений, мемуаров, лучше которых, наверно, не напишешь.

Тем не менее можно сослаться на размещѣнные в Интернете воспоминания Ю. Шапиро, который после окончания медицинского института добился распределения на работу в Магаданскую область, где находились в ссылке его родители.

«Начальник Дальстроя является заместителем министра внутренних дел СССР. За всю историю Дальстроя на этой должности сменились четыре человека: Берзин, бывший командир латышских стрелков, Павлов, прославившийся неслыханной жестокостью и покончивший жизнь самоубийством после XX съезда партии, генерал-лейтенант Никишов и Митраков, при котором Дальстрой был расформирован...»²⁰

Старожилы Колымы рассказывали, что заключѣнных привозили в тайгу, где они сами строили зону для себя и жильѣ для охраны, после чего начиналась их эксплуатация, невиданная даже в условиях рабовладельческого общества. Скудное питание, нормы выработки, превышающие человеческие возможности, ужасающий колымский климат, жестокость режима, цинга, которой болело подавляющее большинство заключѣнных, быстро делали своё дело. Но недостатка в рабочей силе не было. Один за другим колымский флот – приспособленные для перевозки в трюмах эков пароходы «Феликс Дзержинский» и «Джурма»²¹ – в период навигации привозили десятки тысяч людей...»

Основными задачами Дальстроя являлись: получение максимального количества золота, разведка и добыча других стратегических полезных ископаемых. На Колыме их было огромное количество.

Евгения Богданова определили на прииск «Штурмовой» недалеко от посѣлка Хатыннах, от которого он получил своё название.

²⁰ На самом деле в разное время начальниками Дальстроя были 5 человек: Берзин (1931–1938 гг.), Никишов (1939–1948 гг.), Петренко (1948–1950 гг.), Митрофанов (1950–1956 гг.), Чугуев (1956–1957 гг.). Все они были награждены многочисленными орденами СССР и знаками «Почетному чекисту».

²¹ Для перевозки заключѣнных и грузов использовался собственный флот Дальстроя, состоящий примерно из десятка, а то и больше, пароходов (они переименовывались по нескольку раз). Использовались для этих целей и суда Дальневосточного морского пароходства, и ледоколы, осуществляющие зимнюю проводку судов. Первым пароходом, пришедшим в бухту Нагаева, был «Сахалин», на котором прибыло руководство треста «Дальстрой» во главе с его директором Эдуардом Берзиным.

Стандартные, наспех сколоченные бараки для заключённых, колючая проволока в несколько рядов, вышки с часовыми...

По утрам кайлом по куску рельса возвещали о начале трудового дня. Колонны заключённых пешком направлялись к золотоносным полигонам, расположенным за несколько километров от лагеря. Стандартным, как и бараки, был и набор орудий труда: тачка, лом, кайло, лопата, лоток для промывки золота...

В воспоминаниях бывших узников ГУЛАГа описываются нечеловеческие условия эксплуатации заключённых.

Один из них писал:

«...Вся площадь под забой окаймлена трапами, окованными полосовым железом. Трапы парные: холостые и грузовые – катят тачки гружёные, а обратно пустыми. Всё втягивается в конвейер.

Никакой возможности остановиться для отдыха не было. Только через полтора часа сигнал на пятиминутный перекур. Рабочий день – двенадцать часов. Обеденный перерыв – час. Обед в забое. В августе рабочий день был четырнадцатичасовым. Некоторое облегчение наступало к концу сезона, когда высота талого слоя увеличивалась и мощность забоя позволяла работать больше лопатой, а не ломом и кайлом. Откатчик и забойщик менялись в обед. Начиная рабочий день, забойщик должен был на границе начала забоя оставить «тумбочку» для замера и определения объёма вывезенной горной массы. По результатам сделанного выдавалось хлебное довольствие. Нормировщик неоднократно навещает забой и определяет категорию и класс грунта – объявляет норму на рабочую смену. Если забой мокрый, в конце дня звено получает 50 граммов спирта. Для этого на участке был специальный человек – «спиртоносец»...

Нет у человека такого органа, на который бы не воздействовала с предельной нагрузкой гружёная тачка. В ногах тяжесть сжатия, в руках – растяжение. Шейные мышцы напряжены, зрение сосредоточенно на узкой полоске трапа, позвоночник испытывает вибрацию. Этим и каторжными тачками колымские заключённые перевезли миллиарды кубических метров горной массы во имя укрепления валютного могущества Родины, получая за это баланду, хлеб и незаслуженные проклятия...

Забойщик самостоятельно не мог выкатить тачку к бункеру. Была специальная подмога – крючковые, которые на подходе подцепляли тачку железным крючком и помогали затащить её на эстакаду.

Не менее напряжённо было и на промывке. Промывочная колода длиной в 26–30 метров то и дело забивалась – из-за недостатка воды, мёрзлых кусков породы. Любая задержка оборачивалась бедой – квалифицировалась как вредительство. Напряжённый ритм изматывал до такой степени, что после смены люди едва добирались до лагеря. В бараке некоторые, не дождавшись вечерней баланды, засыпали, будили их только на поверку. Утро забойщика начиналось трудно и мучительно. Пальцы за ночь деревенели – ни согнуть, ни разогнуть. Все мышцы тела теряют подвижность, молодые парни становятся отрешёнными, поникшими. Задолго до конца сезона здесь все становятся стариками. Мало кто дотягивал до сезона. Ещё труднее было тем, кто попадал в забой с «материка», сразу после тюрьмы!

Резкая перемена приводила гораздо быстрее к трагическому исходу. На Колыму лучше прибывать зимой – есть время для адаптации. А так: десять – пятнадцать дней – и «доходяга». Особенно страдали пожилые и представители интеллигенции»²².

Рождённый в неволе, вместо «исправительно-трудовые лагеря» вариант «истребительно-трудовые лагеря» более точно отражал существующие порядки на Колыме.

²² Кусургаев Г.Д. Призраки колымского золота. Воронеж, 1995.

Евгений прибыл на Колыму летом и к концу сезона дошёл до полного истощения. Он впервые увидел, как добывают золото, а благодаря своей инженерной хватке получил необходимые знания, спасшие его от неминуемой гибели. Проблемой для приисков была зимняя промывка, когда резко снижалось количество добываемого золота. Евгений таскал тачки, прорабатывал в уме, что можно сделать для увеличения результатов промывки золотого песка.

На следующий день, толкая перед собой тачку, впервые подумал, что зиму он уже не переживёт. Возвратившись после двенадцатичасовой смены, Евгений увидел в бараке развешенные объявления, которые обещали больше поблажки тем, кто предложит новый способ получения золота в зимних условиях.

На следующее утро Евгений катил тачку, еле передвигая ноги.

Мимо него прошла группа военных во главе с начальником Северного управления НКВД Дальстроя Сперанским. Зэки рассказывали, что он входил в состав особой тройки НКВД и отличался особой жестокостью.

«Если не сейчас, то никогда», – пронеслось в голове у Евгения. Он бросил тачку и побежал к Сперанскому. Ему казалось, что он бежит, на самом деле он ковылял, едва передвигая ноги. Увидев направляющегося к нему заключённого, Сперанский остановился. Остановилась и вся группа. Конвоир, сопровождающий группу военных, клацнул затвором, досылая патрон в патронник.

Лёгким движением руки Сперанский остановил его. Запыхавшийся Евгений сдёргнул шапку, назвал: зэка, номер такой-то, добавил к номеру цифру 58 – статью, по которой был осуждён.

– Чего тебе? – спросил Сперанский, брезгливо оглядывая фигуру Богданова. Тот стоял перед военным в замызганной и залатанной телогрейке с грязным вафельным полотенцем на шее вместо шарфа, с коростой герпеса на губах.

– Гражданин начальник! У меня есть предложение по усовершенствованию промывки. Сперанский²³ ещё раз переспросил фамилию и сказал:

– Иди работай. Тебя вызовут...

Утром нарядчик оставил Богданова в бараке. Через некоторое время его вызвали «с вещами», если таковыми считать узелок, посадили в полуторку вместе с конвоиром, вооружённым винтовкой, и повезли в районный центр Хатыннах, где посадили в одиночку следственного изолятора. Что только не передумал Евгений во время пребывания в изоляторе!

Наконец Евгения доставили к начальнику районного отделения НКВД Смертину²⁴:

Тот, не отрывая голову от бумаг на столе, буркнул:

– Фамилия?

– Богданов.

– Имя? Отчество? Статья? Срок? Специальность?

– Студент Ленинградского политехнического института. Выпускной курс машиностроительного факультета.

– По какому вопросу обратился к Сперанскому?

²³ Сперанский – выходец из дворян, подпоручик царской армии, участник Первой мировой войны. С 1918 года в Красной армии, с 1920 года в органах ВЧК – ОГПУ – НКВД. В 1937–1939 годах – начальник Управления НКВД Дальстроя. Этот период отмечен его вхождением в состав особой тройки и активным участием в репрессиях. Арестован в октябре 1939 года, расстрелян в апреле 1940 года. В 1999 году в реабилитации отказано. \\Начало массовых репрессий на Колыме связано с так называемой Московской бригадой, направленной Ежовым в конце 1937 года для наведения порядка в Дальстрое. Эту группу в составе четырёх человек и возглавил вновь назначенный начальник УНКВД по Дальстрою Сперанский. На оперативном совещании, проходившем в десятых числах декабря 1937 года, при разборе вопросов следственной работы Сперанский указал оперативному составу на то, что здешние методы работы устарели и что «миндальничать с арестованными нечего и поэтому нужно перейти к активному следствию», подразумевая под ними избиение и пытки.

²⁴ Начальник районного отдела НКВД, арестован и осуждён в ноябре 1939 года военным трибуналом на восемь лет лагерей. Упоминается как старший уполномоченный НКВД в рассказе Шаламова «Заговор юристов».

– Имею предложение по совершенствованию зимней промывки.
– Какой ожидается результат?
– Увеличить производительность в 4–5 раз.
– В общем, так: две недели на проработку. Понял?
– Да.
– Что надо для работы?
– Комнату, чтобы никто не мешал, доску с рейспиной, карандаши, готовальню и техническую литературу по списку.

Записав всё это, Смертин предупредил:

– Если через две недели окажется, что ты обманул, тебя расстреляют.

Евгения поместили в одну из комнат следователей и принесли всё, что он просил. Рядом с его комнатой шли допросы. Выходя в коридор, он видел подследственных, стоявших сутками на «конвейере» с опухшими ногами, слышал доносившиеся из кабинетов крики истязаемых.

Две недели Богданов интенсивно работал, стараясь не выходить из комнаты в коридор, на ночь его отводили в камеру-одиночку. Он и там продолжал работать, обдумывая, как повысить эффективность отдачи тепла к замёрзшей породе.

Решение пришло, когда он придумал применить барабан с маленькими трубочками, вокруг которых располагалась порода. Позднее он использует эту схему для подвижного конвейера, перемещающего породу. Результаты работы превратились в шесть чертежей и папку с объяснительной запиской и тепловыми расчётами.

Через две недели Евгения отвели к Смертину. У того в кабинете сидел одетый в штатское человек, с интересом смотревший на доставленного под конвоем зэка.

«Наверное, специалист», – подумал чуть ли не вслух Евгений.

Они начали рассматривать представленные материалы. Евгений сидел ни жив ни мертв – решалась его судьба, его жизнь.

Наконец вольнонаёмный инженер Клубничкин (Евгений на всю жизнь запомнил эту «сладкую» фамилию), посмотрев все материалы, сказал:

– Да, это совершенно новая идея, очень оригинальная. Её нужно осуществлять и развивать. У нас пока ничего подобного не было.

«Спасён! Спасён!» – билось в голове у Евгения, когда его отконвоировали в камеру.

На следующий день Богданова перевели для разработки рабочих чертежей в барак заключённых-«бытовиков». Там было уже трёхразовое питание и довольно сносные условия: бельё на кровати, душ... Евгений был единственный осуждённый по 58-й статье. Остальные были машинеры, растратчики и прочие так называемые бытовики.

В 1938 году Богданова, ещё заключённого ГУЛАГа, перевели в технологический отдел Северного управления Дальстроя для разработки рабочих чертежей. Ему даже разрешили вести переписку с семьёй и получать посылки.

Не имея полного инженерного образования, Евгений Богданов занимал ответственные инженерные должности – был старшим инженером-проектировщиком Северного горнопромышленного управления Дальстроя.

Освобождение наступило только 17 декабря 1939 года. В архивной справке значилось:

«Богданов Евгений Иванович, 1913 года рождения, уроженец г. Новочеркасск Черноморского края, осуждён 10 мая 1935 года особым совещанием выездной сессии ОГПУ за контрреволюционную деятельность к пяти года лишения свободы. Начало срока 16 декабря 1934 года. До ареста проживал в г. Ленинграде. Прибыл для отбытия наказания на территорию Магаданского края... 1937 года. Освобождён по отбытию срока наказания 17 декабря 1939 года. Основание: архивная карточка, форма № 2».

Справка была с фотографией, отпечатком указательного пальца. В верхнем правом углу указывалось: «Правом на жительство не служит. При потере не возобновляется».

Для Евгения освобождение не давало свободы в полном смысле этого слова, потому что судимость не снималась, а возвращение в Ленинград было исключено.

Возврат гражданских прав могла дать только реабилитация.

Богданов встретился с Клубничкиным второй раз, когда тот уже собирался к отъезду на материк. Евгений пустился было объяснять, как он благодарен за доброе заключение о его работе по увеличению производительности промывки золота.

Клубничкин прервал его:

– Полноте, молодой человек. Это ведь сделано не только потому, что мне понравилась ваша идея. Мне стало жаль вас, такого, и я думаю, талантливого, подающего надежды инженера. Я ведь предполагал, что с вами сделают, если дам отрицательное заключение. Вам надо всё-таки закончить вуз. Потратьте на это свои способности.

– Я попытаюсь, но как это сделать здесь, на Колыме?

– А вы возьмите отпуск за несколько лет да и махните в Ленинград... – посоветовал Клубничкин.

– Да у меня и паспорта ещё нет, – посетовал Евгений.

– Просите, ждите, добивайтесь, – последовал ответ.

Евгений тяжело вздохнул и неожиданно заявил:

– Знаете, у меня есть предложение, как усовершенствовать тачку.

– Тачку? – удивился Клубничкин.

– Ну да, – подтвердил Евгений и принялся объяснять на пальцах, что нужно сделать, чтобы тачка стала рациональной.

Клубничкин вежливо выслушал его и посоветовал:

– А вы попробуйте оформить свои задумки через бюро изобретений, да и свои предложения по промывке песка тоже...

Они тепло распрощались, а Евгений действительно подал заявку на авторское свидетельство под названием «Рациональная тачка».

В преамбуле к заявке писал:

«В системе Дальстроя широко распространена тачечная транспортировка грузов. Поэтому правильный выбор наиболее рациональной конструкции тачки имеет большое значение для выполнения производственного плана. До сих пор изготовление тачек велось без предварительного расчёта и экспериментирования, а выбор конструкции тачки и её отдельных элементов в большинстве случаев присматривался на усмотрение десятников и бригадиров строителей. Вследствие этого мы имеем чрезвычайное разнообразие тачек (даже в изделиях одного типа – дорожного или горняцкого) как по ёмкости короба, так и по всем остальным конструктивным данным.

Основные недостатки большинства тачек заключаются в неправильной статической уравновешенности, в неправильной конструкции ходовой части и в целом всей тачки...» Далее он предлагал конструктивные решения для нового типа тачки.

Ответ на заявку пришёл отрицательный, а эксперт посоветовал оформить её как рационализаторское предложение. Евгений так и сделал.

В СССР внедрением новшеств на предприятиях занималось бюро рационализации и изобретательства, так называемое БРИЗ. Подавшему рациональное предложение работнику выплачивалось вознаграждение и выдавалось удостоверение специального образца.

Но Евгений не останавливался на этом, а написал статью, которую опубликовали в журнале «Колыма» в 1940 году в четвёртом номере. Это была его первая научная статья, и называлась она «О рациональной тачке»²⁵. Всего же за один 1940 год Богданов опубликовал в этом журнале семь научных статей по вопросам промывки золотых песков.

²⁵ Автор в 1958 году на летних каникулах после окончания девятого класса работал на кирпичном заводе. Приходилось

Официально Евгений Богданов был освобождён в декабре 1939 года, однако паспорт ему был выдан только в марте 1941 года. В паспорте значилось, что выдан он на основании статьи 39 Положения о паспортах.

В народе такие паспорта называли волчьими билетами, потому что по этой записи знали, что обладатель паспорта – бывший заключённый и ему запрещено жить во многих городах (тридцати девяти) и нельзя находиться в пограничной зоне ближе чем на сто километров.

...В этот день или уже ночь Евгений возвращался домой с работы, после восемнадцатичасового корпения над чертежами. Внезапно его остановил едва слышимый женский вскрик. Евгений прислушался, крик повторился. Он пошёл на звук и увидел как какой-то мужик, зажав рот женщине или девушке, в темноте не разобрав, вырывает у неё из рук сумку. Евгений бросился на помощь, нападавший выпустил жертву и бросился наутёк. Евгений подбежал к пострадавшей с вопросом:

– Вам помочь?

– Не надо. Спасибо. Вы вовремя подоспели. А там у меня все документы... – вымолвила она, приходя в себя и показывая сумку.

– Что же вы так поздно ходите, – укорил её Евгений.

– Да так получилось, – протянула она.

Они познакомились, и он проводил её до самого барака, где жили вольнонаёмные.

Итак, она звалась Татьяной. Выпускница Ленинградского горного института прибыла на Колыму по оргнабору как молодой специалист – и устроилась на работу инженером в Дальстрой.

Они стали встречаться в свободное время, которого было так мало. Татьяна была привлекательной девушкой, играла на гитаре и домре, прекрасно пела. Особенно ей удавались романсы.

Видимо, судьбе было угодно, чтобы эти два одиночества сошлись на Колыме, в этом Богом забытом крае.

После нескольких месяцев встреч, каждая из которых была по-своему незабываемой, Евгений и Татьяна решили пожениться. Для того времени шаг этот был довольно смелым, потому что никто не знал, каким боком повернётся судьба к молодожёнам.

Последствия не заставили себя ждать. За связь с «врагом народа» Татьяна сразу же была понижена в должности, её перевели в техники, что сказалось на заработной плате.

Прошёл год, как они поженились. Их отношения ещё больше укрепились. Если раньше их просто тянуло друг к другу, то теперь они друг без друга просто не смогли бы жить.

Они понимали друг друга с полуслова, как будто прожили вместе тысячу лет, потому что составляли единое целое.

Эти годы, которые Евгений провёл с Татьяной, воспитали, а в конечном счёте и сформировали послелагерную его личность в значительной степени больше, чем детские и студенческие впечатления. Может быть, потому, что бесконечное уважение друг к другу гармонично сочеталось с большим разрастающимся чувством – любовью.

Чтобы поддержать подорванное лагерями здоровье Евгения, Татьяна завела подсобное хозяйство: огород, кур, поросят. И это в суровом климате Колымы! В доме царила чистота, она успевала ещё и рукодельничать, обшивала и себя, и Евгения, и детей. В октябре 1942 года родился Олег, а в ноябре 1945 года – Иван. Они были счастливы, насколько можно было назвать счастливой жизнь в полурабском режиме, да ещё в суровых условиях колымского климата.

Однажды Евгений поделился с Татьяной мыслями о самом сокровенном:

– Знаешь, Танечка, недавно грустно размышлял о бренности человеческого бытия, о смысле вечного карабканья по ступенькам судьбы. Мне очень нравится старая восточная муд-

рость: «Если не знаешь, куда идти, то лучше останься на месте, тогда не угодишь в яму». Хотя сколько раз я в ней оказывался, да и сейчас из неё до конца не выбрался.

– Власть отучила нас от веры в Бога, – продолжал он спустя некоторое время. – Я верю, что есть кто-то, кто видит и слышит тебя. И судит. Это именно тот, кто дал тебе то, за что можно держаться. А может, просто берёт за руку и ведёт к цели, как будто бы знает, что тебе в данный момент нужнее всего.

Они помолчали немного.

– Женя, ты даже не представляешь, как я счастлива, что встретила тебя, а для этого мне надо было приехать именно на Колыму. Наверно, это потому, что мы духовно похожи друг на друга! А разве можно назвать счастливым союз мужчины и женщины, если они совершенно разные: как плюс и минус, ночь и день, огонь и вода? – добавила она и прижалась к мужу.

– Ничего, Таня! Будем держаться... Как говорили в древности, самый тёмный период в ночи наступает перед рассветом. Так и в жизни. Будет и на нашей улице праздник.

Праздник наступил, когда им было по 45 лет: в 1958 году пришло известие, что Евгения Ивановича реабилитировали по всем статьям...

...Военные годы для жителей Колымы стали серьёзным испытанием, дни были тревожными и тягостными. Собственно, такими они были и для всей страны. Стране нужно было золото, много золота, и Колыма его давала.

Каждую осень начиная с 1942 года в Магадан приходили подводная лодка или крейсер из Сан-Франциско и увозили в Америку добытое золото. За помощь по ленд-лизу²⁶ во время войны Советский Союз расплачивался колымским золотом и кровью своих солдат на полях сражений.

В 1944 году с визитом на Колыму прибыл вице-президент Соединённых Штатов Америки Генри Уоллес. В состав делегации входили три гражданских специалиста и трое военных. Американская делегация направлялась в Среднюю Азию и Китай, и остановилась в Магадане на три дня. По-видимому, Уоллеса интересовала добыча золота в связи с проблемой оплаты договорных обязательств по ленд-лизу.

Ещё осенью 1941 года Евгений узнал, что Ленинград окружён и стал блокадным городом. Он не мог знать, что ещё в самом начале войны мать и Нина с семьёй были эвакуированы в г. Киров. На самом деле они жили в деревне в тридцати километрах от города и в трёх километрах от строящегося химкомбината, где работал муж Нины. Ей негде было устраиваться по специальности, да и Валерии Александровне трудно было бы одной управляться со всем их немудрёным хозяйством и двумя детьми. Семью поддерживал Евгений, периодически присылавший денежные переводы.

Все годы эвакуации Нина была неразлучна с матерью, тяжело умирала у неё на руках, оставив ей своих детей, заботу о которых взяла на себя Валерия Александровна. Нина скончалась в мае 1943 года.

Валерия Александровна осталась в Кирове одна с двумя малолетними детьми, без работы, без средств к существованию. Единственной её опорой и поддержкой оставался Евгений.

Валерия Александровна написала письмо Евгению и попросила оформить ей пропуск на Колыму, куда она решила приехать после смерти дочери. Евгений понимал, что отговаривать мать от безрассудства такого поступка бессмысленно, и выполнил её просьбу.

С некоторых пор Евгений стал понимать, почему самые страшные ураганы носят женские имена. Всё начинается вполне благоприятно, с безобидного ветерка, но скоро перерастает в

²⁶ Ленд-лиз (англ. – давать взаймы, сдавать в аренду) государственная программа, по которой Соединённые Штаты Америки поставляли своим союзникам во Второй мировой войне боевые припасы, технику, продовольствие, медицинское оборудование и лекарства, стратегическое сырьё, включая нефтепродукты.

буйную стихию, способную с лёгкостью сокрушить на своём пути все преграды. Так и некоторые женщины. Это внешне они такие нерешительные, с тихим голосом, но стоит им поставить перед собой цель – и их ничего не остановит в пути её достижения. К таким женщинам Евгений относил и мать. Он навсегда запомнил её рассказы о решении поехать к брату во Владивосток во время Русско-японской войны. Да и её стоицизм ко всем жизненным пертурбациям, которых с лихвой хватало на несколько жизней.

К удивлению, Валерия Александровна с детьми дочери (младшему из которых было всего три года) без особых приключений добрались до места назначения всего за двадцать дней, считая трёхдневную остановку во Владивостоке в гостинице Дальстрой²⁷.

– Здравствуй, родной ты мой, – только и смогла сказать Валерия Александровна, когда сошла с трапа той же самой «Джурмы», которая в своё время доставила Евгения в колымские лагеря.

– А вы Татьяна? – обратилась она к стоящей рядом с ним женщине.

– Да, конечно, – ответила та сквозь проступившие слёзы.

– А сын где? – спросила Валерия Александровна.

– Дома ждёт, – ответили в унисон Евгений и Татьяна.

– Господи, возмужал-то как, – оглядела мать сына...

Татьяна и Валерия Александровна сразу же нашли общий язык. «Хоть с женой повезло!» – думала Валерия Александровна. Она провела на Колыме несколько лет и убедилась, что Евгения и Татьяну связывают настоящие чувства.

«Это же надо найти свою половинку на краю света», – размышляла она. И молилась тайком, чтобы их чувства не остыли, как случилось у них с Иваном.

Валерия Александровна отогрелась душевно от переживаний последних лет. Конечно, в условиях Колымы слово «отогрелась» неприемлемо. Она сама где-то слышала то ли стон, то ли песню заключённых:

Колыма ты, Колыма —
Чудная планета...
Девять месяцев – зима,
Остальные – лето.

Она тихо радовалась ровному, спокойному укладу жизни в семье Евгения и своим настоящему родственным отношениям с Татьяной. Хотя проблем на работе Евгения было выше крыши.

Узнав о прорыве блокады Ленинграда в январе 1944 года, Валерия Александровна засобиралась на материк.

Но уехать ей удалось не скоро.

До Владивостока она с детьми добралась на пароходе «Русь»²⁸.

В одном из писем к Евгению уже по прибытии в город Буй, где служил отец её внуков Виктор Волков, она писала: «...Пароходом мы ехали в кошмарных условиях, но всё же доехали до Владивостока живыми и невредимыми – дети стойко переносили все трудности – окружение было очень неприятно, просто противное, и мне, сжав зубы, надо было терпеть...»

²⁷ Гостиница называется «Красный Владивосток», была построена в 1937–1939 годах. С 1961 года в здании размещались различные высшие учебные заведения (филиал Московского института им. Плеханова, Дальневосточный институт советской торговли, Тихоокеанский государственный экономический университет, в 2001 году вошедший в состав Дальневосточного федерального университета). Здание расположено на пересечении Океанского проспекта и улицы Дзержинского. Когда-то на этой улице, напротив, был сооружён памятник Дзержинскому (1954 г.). В 1992 году памятник был снесён ветром демократических перемен.

²⁸ В декабре 1947 года в бухте Нагаево прогремели взрывы на пароходах «Генерал Ватутин» и «Выбор», гружённых взрывчатыми материалами. Причины трагедии так и не были выяснены.

На пароходе «Русь» в это же самое время отправлялся во Владивосток, а затем в Москву инженер-капитан 2-го ранга Григорий Рывкин. Он отплыл после выполнения правительственного задания, связанного со взрывом парохода «Выборг» в порту Магадана. Его «Воспоминания» представила мне его дочь Ирина Кормилицина.

Ещё при посадке на пароход Рывкин обратил внимание на женщину с двумя малолетними детьми. «Отважная женщина!» – подумал Рывкин. Он перебрался в каюту люкс и попросил капитана, чтобы женщине с детьми доставляли еду из кают-компания. А женщине, после знакомства, посоветовал запереться и не выходить из каюты, а для проветривания использовать иллюминатор.

Инженер-капитан 2-го ранга Г. Рывкин оказался на Колыме в соответствии с правительственной шифрограммой для организации работ по подъёму парохода Дальстроя «Выборг». В своих «Воспоминаниях»... он писал:

«Однажды меня срочно вызвали к адмиралу, который приказал немедленно выехать на его машине на аэродром, где меня ждал самолёт морской авиации типа «Каталина», чтобы доставить в Совгавань. С какой целью, адмирал и сам не знал. Это был приказ из Москвы. Самолёт уже ждал меня на взлётной полосе. Лётчик выразил недовольство моим поздним прибытием, потому что садиться в своём самолёте он может только в светлое время суток. Меня впихнули в самолёт, и мы полетели. Я был единственным пассажиром на единственном сиденье – месте стрелка. Зачем меня доставлять в Совгавань, лётчик тоже не знал. Погода была ясная. Подо мной сначала был виден весь Сахалин от Тихого океана до Татарского пролива, густо покрытый лесами, затем водные просторы широкого здесь Татарского пролива. Самолёт сел на военном аэродроме Совгавани, когда уже начало темнеть. Я выяснил у лётчика, где находится штаб и казарма, и, не зная, что мне делать дальше, пошёл к казарме, рассчитывая отдохнуть. Нашёл свободный лежак, но уснуть не смог.

В Южно-Сахалинске поесть я не успел и теперь был очень голоден. В полутьме добрался до штаба части, нашёл дежурного, дозвонился от него до дежурного по штабу военно-морской базы. Представился, доложил, что доставлен в Совгавань по какому-то указанию из Москвы и не знаю, что мне делать дальше. Дежурный был не в курсе и перезвонил мне через час. Сообщил, что меня должны были переправить в Магадан, а больше он в открытом телефонном разговоре сказать не может. Надо было ждать утра. Мне удалось дозвониться до дежурного аварийно-спасательной службы военно-морской базы. Повезло. Дежурил знакомый мне по службе инженер-капитан 3-го ранга Горбатов. Узнав, что мне некуда деться, я очень голоден, он предупредил, что угостить может только сухарями, и прислал за мной катер. От него я узнал о произошедшей в Магадане трагедии: в порту недалеко от причала взорвалось грузовое судно «Выборг» с толуолом. Эксплуатация порта затруднена. Есть шифрограмма правительства:

– «Аварийно-спасательной службе ВМФ в кратчайший срок поднять пароход и убрать его от причала,

– Дальстрою МВД обеспечить эти работы всем необходимым (плавсредствами, транспортом, рабочими и материалами),

– ответственным за организацию работ АСС назначить находящегося в командировке на Дальнем Востоке инженер-капитана 2-го ранга Г.И. Рывкина,

– ответственным за обеспечение работ со стороны Дальстроя назначить командование Дальстроя МВД (генерал Никитов²⁹),

– о ходе работ докладывать в Москву».

Утром вылететь в Магадан я не смог – было воскресенье, а специального указания лететь в выходной лётчики не имели. На второй день авиаторы с укором говорили мне, что, как моряк, я должен знать, что понедельник – день тяжёлый и дальние рейсы по такой тяжёлой трассе

²⁹ Так в тексте «Воспоминаний». На самом деле фамилия начальника Дальстроя Никишов.

нежелательные. Вылетел я только во вторник, прибыл в тот же день в Магадан. Управление Дальстроя МВД размещалось в здании, размеры и массивность которого напоминали здание правительства СССР в Москве. Добившись пропуска к заместителю начальника Дальстроя по транспорту, я шёл к нему по длинному коридору, устланному ковровой дорожкой, пока сопровождающий офицер не открыл мне двери в кабинет высокого начальства в звании генерал-майора войск МВД. Я представился и доложил о готовности приступить к работе со следующего дня. Однако генерал разговаривать со мной отказался, сославшись на более срочные дела, и отдал указание о предоставлении мне места в гостинице. Я стал напоминать ему о правительственной шифрограмме, о нашей общей обязанности докладывать командованию о ходе развёртывания работ. Он уже более резко заявил, что Дальстрой имеет много правительственных заданий и сейчас есть более срочные дела. Я спросил о возможности доложить командованию ВМФ о задержке начала работ. На это он ответил, что никакие доклады без разрешения Дальстроя невозможны, предупредил об отсутствии на Магадане любой другой власти, кроме МВД, и в заключение добавил, что лица, не подчиняющиеся Дальстрою на его территории, могут кончить плохо, потому что другой земной власти здесь нет.

После этой угрозы мне ничего не оставалось делать, как идти в гостиницу и там обдумать создавшееся положение. В гостинице для приезжих, которая больше соответствовала названию «общежитие», я разместился в комнате на пять коек, где моим единственным соседом оказался инженер-геолог, ожидавший предоставления квартиры. Он рассказал мне о порядках в Магадане. Вся власть в городе принадлежит Дальстрою МВД. Нет ни одной организации в городе (почта, телеграф, магазины, все службы управления), которая бы не принадлежала Дальстрою. Основная деятельность Дальстроя связана с добычей золота и других ценных руд, а также с управлением лагерями политических и уголовных заключённых. На территории города расположены лагеря-распределители для вновь прибывших заключённых, разрешение на выезд которых на материк не даётся по несколько лет. Управленческий состав и все специалисты в городе – приезжие, живут здесь ради больших окладов и льгот. Начальник Дальстроя генерал Никитов по вопросам добычи золота и стратегических материалов докладывает лично Сталину, по вопросам содержания заключённых – Берии. По улице, где живёт Никитов и другие высокопоставленные чины Дальстроя, ездить машинам и ходить жителям запрещено. На других улицах обстановка небезопасная. Бывшие заключённые уголовники имеют свои организации, возглавляемые паханами, соблюдают свои воровские законы. Бывают случаи беспричинных убийств человека ножом. Например, если проиграл его в карты. В итоге нашей беседы сосед посоветовал мне не торопиться и выждать время, прежде чем опять напоминать о себе в Дальстрое, поскольку ни почта, ни телеграф ничего не пропустят без разрешения Дальстроя. Тем не менее я сделал попытку отправить телеграмму в Москву или Владивосток через воинские части, размещённые недалеко от Магадана, и через корабли. Попытка оказалась безуспешной. Всюду был контроль Дальстроя. После этого я ещё несколько дней провёл в общежитии, не выходя по совету соседа в город, играя с ним шахматы.

Вдруг неожиданно появился майор МВД и, не объясняя зачем, предложил мне следовать в машину. Наслушавшись соседа по комнате, я встревожился, но поехал. В здании Дальстроя для меня уже был подготовлен пропуск. Майор проводил меня в кабинет начальника Дальстроя Никитова, где под его руководством проходило какое-то совещание. Никитов вполне вежливо пригласил меня участвовать в совещании и сразу попросил помочь спасти утопленное Дальстроем золото. При переправе через речку перевернулась шлюпка, на которой перевозили с приисков мешок с золотом. Затонули шлюпка и два человека, перевозившие золото. Вес этого золота был учтён в отчёте, отправленном в Москву. Задача государственной важности – поднять золото, но у Дальстроя нет водолазного снаряжения и опытных водолазов. О необходимости найти и поднять утонувших людей Никитов даже не упомянул. Люди в этих краях не ценились. Я доложил о своём понимании важности задачи и выразил сожаление, что прибыл

уже несколько дней назад для организации работ по подъёму п/х «Выборг». В Совгавани уже сформирован специальный отряд, имеющий водолазов и водолазную технику, а я по вине Дальстроя не смог сообщить командованию флота о необходимости срочной отправки этого отряда в Магадан. Выйти из создавшегося положения можно, если я смогу совместно с Дальстроем дать телеграмму командованию о срочной отправке этого отряда с техникой самолётом за счёт Дальстроя. В этой телеграмме необходимо также подтвердить обязательства Дальстроя обеспечить начало работ на «Выборге» вспомогательной рабочей силой, плашкоутами, баркасами и разместить в порту личный состав отряда. Предложенное мной решение было немедленно принято. Мне было обещано впредь мои просьбы и заявки на всё необходимое для подъёма «Выборга» удовлетворять. Такое указание Никитов тут же на совещании дал своему заместителю по транспорту, тому самому генералу, который до этого общался со мной по-хамски. Прибывшая через несколько дней команда водолазов с оборудованием была передана на время выполнения работ по поиску и подъёму золота в подчинение Дальстроя. Я к этим работам отношения уже не имел, но позже, после отъезда, узнал, что работы эти кончились трагедией. Золото нашли, но мешок на дне реки разорвался и часть золота выпала. Поиск утраченного золота на дне реки затянулся. Началось льдообразование, и движущейся льдиной перерезало шланг подачи воздуха водолазу, отчего он погиб. Это произошло уже после моего отъезда в Магадан.

При мне доставленный в Магадан аварийно-спасательный отряд приступил к работам на п/х «Выборг». При взрыве судна на нём была снесена верхняя часть выше ватерлинии. Большие куски металлических конструкций летели на берег на расстояние до километра. Подводная часть судна больших повреждений не получила, но всё же затонуло. Причём в нескольких трюмах судна ещё оставался груз. После обследования судна водолазами я и командир отряда инженер-майор Столпер разработали проект подъёма судна понтонами после его полной разгрузки. Необходимости моего пребывания в Магадане больше не было. Дальстрой забронировал мне место на п/х «Русь».

Провожали меня офицеры отряда. Попрощавшись с ними, я зашёл к помощнику капитана по пассажирским перевозкам и по своему литеру на бесплатный проезд получил каюту 1-го класса. Он предложил мне каюту люкс, но у меня оставалось уже не много денег, и я, поняв, чем вызвано его предложение, отказался. Было часов 9 вечера. Спать было ещё рано, и я стоял на палубе. Меня удивило, что пассажиров было всего десять человек. Отход судна почему-то откладывался. Около полуночи на причал стали прибывать грузовые машины с людьми в ватниках. Это были бывшие заключённые, получившие свободу, но отработавшие несколько карантинных лет, чтобы получить разрешение выезда на материк. Всё это время, пока они работали вольнонаёмными, основная часть их заработка шла на сберкнижки, и только теперь, выезжая на материк, они стали богачами. Машины всё прибывали и прибывали, доставляя всё новые партии этих людей. Никто из них не собирался платить за каюты, и они постепенно заполнили все переходы и вестибюли на этом туристическом судне. По словам помощника капитана, все они были уголовниками, политических среди них не было. Увидев, что они располагаются такой плотной массой, что нет даже возможности пройти в туалет, не наступив на кого-нибудь, я внёс доплату и перебрался в каюту люкс, где были все удобства. Закончилась посадка этих людей, и началась погрузка ценной оловянной руды в нумерованных мешочках. Солдаты выстроились в цепочку, передавали их из рук в руки. Я не дожидаясь конца погрузки и ушёл спать. Засыпая, слушал, как «Русь» отошла от причала. Утром следующего дня пошёл позавтракать в ресторан и с трудом нашёл себе место. У дверей ресторана стояла большая очередь, но я был в форме, и очередь расступилась, когда я подошёл. В ресторане было очень шумно, на столах стояло много бутылок спирта и шампанского. Других алкогольных напитков на Дальний Восток тогда не завозили. Многие были уже крепко выпившими. Официантки, пользуясь случаем, получали крупные чаевые и обсчитывали пьяных. В воздухе висел мат. Я

посидел несколько минут и ушёл. Договорился со старпомом, что буду питаться в кают-компании. Верхняя палуба вся была заполнена освобождёнными: одни, сидя на корточках, играли в карты, другие лёжа грелись на солнце.

Вдруг поднялся какой-то шум. Я оглянулся и увидел, что капитан на мостике даёт какие-то срочные распоряжения, а спустя несколько минут мимо меня пронесли на носилках убитого. И опять было тихо, как будто ничего не произошло. Я решил уйти на мостик, охранявшийся матросом с оружием. По пути я столкнулся с молодым парнем, который попросил взять его подсобником на камбуз, потому что пахан отобрал у него все деньги и он ходит голодным. Мне удалось ему помочь. К тому времени, когда мы прибыли в Находку, на судне было уже 6 или 7 убитых. Капитан по радиотрансляции предупредил пассажиров, чтобы не выходили из кают до окончания выхода всех лагерников. Бывшие лагерники столпились на причале, окружённые охраной. Сойдя с трапа, я, зная, что мой поезд во Владивосток уходит ещё через несколько часов, решил остаться на причале и посмотреть, что будет дальше с освобождёнными. Подошли «чёрные вороны» (закрытые машины МВД), и несколько человек, видимо, причастных к убийствам, увезли... На следующий день я уехал в столицу поездом Владивосток – Москва».

А Валерии Александровне пришлось дожидаться своего поезда одиннадцать дней, о чём она написала в своём очередном письме Евгению:

«Во Владивостоке в гостинице Дальстроя мы прожили 11 дней в ожидании поезда (откуда я послала тебе 2 письма) – я с детьми помещалась на одной койке (в комнате было ещё 6 человек), а потом Алексея уложили на стол. Там так измучились, что только мечтали сесть на поезд, но билетов на пассажирский поезд не достать было, т. ч. я решила уехать хоть в теплушке. К счастью, ко мне примкнул один пожилой человек, который уговорил меня ехать в теплушке, и пожалуй, это было лучше, т. к. в вагонах творилось что-то жуткое, а мы хоть могли спать. Ехали 25 суток, дети себя чувствовали неплохо. А Алик захворал ангиной, но я быстро справилась с его болезнью, т. к. у меня были нужные медикаменты. Не раздевались мы за всё это время и были похожи на чертей – так черны и грязны. Помещались всё время на верхних нарах. Лялька ни разу с них так и не сходила. Питание наше кончилось во Владивостоке, так что перед посадкой в теплушку пришлось покупать продукты.

...В пути пришлось менять часть своих и детских вещей на хлеб и продукты. Ели дети в дороге так, что мне было их не удовлетворить. Хлеб такой порой был (чёрный и с всякой примесью), что я не могла его есть, а ребята, что называется, лопали вовсю. В Москву приехали, и началось мытарство, т. к. наш состав не приняли вокзалы московские, а оставили на окружной дороге, и мы 2 суток мучились в бараке железнодорожном, а потом я устроилась с детьми в детской комнате на Ярославском вокзале, и 8 января я уехала в Буй. Попутчик мой довёз нас до самого Буя, т. к. он сдавал свой багаж вместе с моим и думал его взять здесь и уехать в Саратов (но багажа ни его, ни моего до сих пор нет), он пробыл 2 суток здесь и уехал, т. к. ему сказали, что скоро багажа ждать нечего. Мне повезло в этом отношении, и если бы не его участие, с детьми было бы очень тяжело, и я не знаю, как бы я одна справилась со всем, так что свет не без добрых людей...»

Высшее образование

У человека есть одно замечательное свойство: если приходится всё начинать сначала, он не отчаивается и не теряет мужества, ибо он знает, что это очень важно, что это стоит усилий.

Рэй Брэдбери

После пяти лет со дня освобождения, в 1944 году, Евгений Иванович стал ходатайствовать о снятии судимости, которая очень мешала в жизни: то ему не раз отказывали в назначении на вышестоящую должность, то его фамилию вычёркивали из списков на премию за им же сделанный удачный проект; да и в простых жизненных ситуациях нарочно подчёркивалось, что он – бывший зэк. Такое к себе отношение со стороны Дальстроя в письмах к матери он называл «свинским». Не включили его и в список на соискание Сталинской премии, хотя в основу представления были положены его изобретения.

Конечно, это был не единственный случай. Система того времени была мстительной по отношению к талантливому, творческому человеку, прошедшему лагеря ГУЛАГа, его долго будет преследовать зэковское прошлое, да и после реабилитации практически ничего не изменится.

«Евгений Иванович» – так обращались к Богданову коллеги – уже не представлялся при знакомстве «зэка номер такой-то», но прошлое не забывалось.

Кошмары о годах, проведённых в лагерях, мучили Евгения Ивановича до конца дней. По крайней мере, два-три раза в месяц он просыпался в холодном поту после увиденных во сне явлений, связанных с лагерями. То ему снилось, что в него стреляет конвойный, то он бредёт по тундре, убежав из зоны... Особенно часто ему снились сны, будто бы он был в тюрьме на Шпалерке и в темноте на него надвигается урка Вонючка с заточкой в правой руке. В этом месте Евгений всегда просыпался.

Он знал философское определение сна: «Сон – это небывалое сочетание бывалых впечатлений». Но от этого знания кошмары не прекращались. Татьяна спала очень чутко и каким-то шестым чувством угадывала, что Евгений сейчас проснётся после увиденного очередного кошмарного сна. Она ласково гладила его по руке и шептала:

– Всё хорошо, Женечка, всё хорошо, всё прошло, спи, дорогой.

Но спать Евгений после этого уже не мог...

Татьяна никогда не расспрашивала мужа о временах, проведённых в лагерях, да и он особо не откровенничал, пытаясь забыть то проклятое время.

...Мать Евгения, Валерия Александровна, в семейных беседах за чашкой чая нередко сводила разговоры к тому, что Евгению нужно ходатайствовать о снятии судимости. Евгений и сам это прекрасно понимал, однако первое его ходатайство особым совещанием НКВД не было удовлетворено и в снятии судимости было отказано.

В 1946 году Евгения Ивановича назначили руководителем обогатительной группы Главного управления Дальстроя. Семья Богдановых переехала в Магадан, где ей была предоставлена коммунальная квартира на две семьи. Комната в 20 кв. м с ванной, водопроводом, паровым отоплением и балконом.

В то время столица Колымского края представляла собой большой посёлок, застроенный в основном двухэтажными деревянными бараками. Главная улица (как и практически во всех городах СССР, носила имя Ленина) упиралась в сопку. На этой улице были сосредоточены солидные каменные здания различных учреждений, в том числе Управление Дальстроя, школа, больница, особняки высшего колымского начальства. Здесь же находились и магазины, продавались без карточек рыба, рыбные консервы, американский белый кукурузный хлеб.

Жить в Магадане было значительно лучше, чем в Ягодном, но дороже ввиду наличия коммерческого магазина, рынка и других источников трат, условия здесь постоянно выравниваются с материком, как писал в одном из писем матери Евгений Иванович.

– Танечка, сегодня мы едем в театр, – ещё с порога заявил Евгений, вернувшийся пораньше с работы.

По возможности они не пропускали ни одного спектакля магаданского театра, который с некоторых пор стал называться Магаданским музыкально-драматическим театром имени М. Горького. Театр ведёт своё начало от небольшого коллектива, приступившего к работе в 1933 году в Дальстрое. Большая часть труппы состояла из заключённых, в прошлом профессиональных артистов.

В разные годы в театре работали артисты Георгий Жжёнов, певец Вадим Козин...³⁰

Валерия Александровна заметила, что сын изменился не только внешне. Он стал совсем другим и во взаимоотношениях, как в семье, так и на работе.

Как-то раз Валерия Александровна спросила у Татьяны:

– А почему к вам друзья не заходят?

– Потому что здесь, на Колыме, особые отношения между людьми, которые отсидели. Клеймо не смывается, – грустно ответила та.

А когда об этом же мать спросила у сына, тот ответил задумчиво:

– Знаешь, мама, мне и одного «друга» на долгие годы хватило...

Мать поняла – это как намёк на Жору Кульпина.

– Да и потом, нам с Танечкой и сыновьями нисколько не скучно. Да и ещё и ты вот приехала.

Нередко вечерами Татьяна, после окончания домашних работ и укладывания малышей, брала в руки гитару и негромко, чтобы не разбудить детей, пела романсы. Евгений и Валерия Александровна тихонько подпевали.

Рано оставшись без родителей, Татьяна приняла мать Евгения как свою родную. Только первые несколько часов после её прибытия на Колыму она называла её по имени-отчеству, а затем стала называть просто «мама».

Евгений Иванович не курил, не участвовал в пьянках, к водке был равнодушен, по праздникам выпивал бокал шампанского и заканчивал на этом.

Конечно, он не был святым, условия лагеря сказались на его характере – не в лучшую сторону. Один из бывших заключённых и его коллега по добыче золота Георгий Кусургашев³¹ писал о нём: «... Главный инженер был человеком с головой. Изобретательская мысль у него работала... За голову я его уважал, но не за характер...»

Богданов догадывался, что в должности главного инженера он долго не продержится по простой причине – у него не было диплома о высшем образовании. Ему как воздух нужен был этот документ. И вот в конце 1947 года семья Богдановых в полном составе выезжает в Ленинград, в свой первый отпуск. После нелегкой и трудной дороги: бухта Нагаево – Находка, дальше – поездом Владивосток – Москва, затем поездом же Москва – Ленинград, где Евгений не был целых тридцать лет.

Остановились в квартире матери, которую она сумела выхлопотать, кстати, совсем недалеко от довоенного местожительства. Жили они на улице Мытнинская набережная, дом три. Квартира была просторной, состояла из четырёх комнат со всеми удобствами, так что места хватало всем. Дом расположен в конце проспекта Максима Горького и служил своеобразной видовой площадкой, прямо из окон был виден Зимний дворец.

³⁰ Вадим Козин был осуждён дважды и, отсидев второй срок, навсегда остался в Магадане. Известен как певец, композитор, поэт, автор нескольких сотен песен.

³¹ Кусургашев Г.Д. Призраки колымского золота. Воронеж, 1995.

Послевоенный Ленинград трудно было узнать. Город перенёс тяжёлые дни блокады. Повсюду были руины домов, разрушенных бомбардировками немецкой авиации или разбитых артиллерийскими обстрелами, ещё не были разобраны завалы кирпичных стен, зияли чёрными проёмами окна.

Но Евгений Иванович увидел и почувствовал, что город постепенно возвращается к мирной жизни: разбираются кирпичные и мусорные завалы, ремонтируются фасады домов, налаживается транспортное движение.

Не успев разложить вещи после прибытия в Ленинград, Евгений Иванович помчался в политехнический институт. У него уже было готово заявление на имя директора Ленинградского политехнического института с просьбой восстановить на пятый курс и дать возможность защитить дипломный проект.

Евгений Иванович разволновался не на шутку, когда подошёл к массивному зданию института. Он даже остановился, постоял минуты две-три, а потом решительно направился к кабинету директора. На его счастье, секретарём была Ольга Семёновна, бессменный секретарь директоров института начиная с 1930 года, когда Богданова зачислили в Ленинградский машиностроительный институт, выделившийся из Ленинградского политеха в результате реформы высшего и среднего образования. И только в 1934 году, осознав ошибочность реформы, правительство вновь объединило узкопрофильные вузы в единый Ленинградский индустриальный институт, в котором Богданов проучился несколько месяцев и готовился к защите дипломного проекта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.